

Санкт-Петербургский государственный университет

СИДОРОВА Людмила Игоревна

Выпускная квалификационная работа

**Особенности передачи коммуникативного намерения при переводе
английской литературной сказки на русский язык: прагматический и
лингвокультурологический аспекты**

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа СВ.5054. «Теория перевода и
межъязыковая коммуникация»
Профиль «Английский язык»

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент, Кафедра английской
филологии и перевода,
Кондрашова Вера Николаевна,

Рецензент:
к.ф.н, доцент, Кафедра
английской филологии
и лингвокультурологии,
Денисова Наталья Викторовна

Санкт-Петербург
2022

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы исследования.....	6
1. 1. Особенности художественного перевода.....	6
1. 1. 1. Проблема адекватности перевода	6
1. 1. 2. Прагматический аспект перевода.....	7
1. 2. Проблема перевода детской литературы.....	11
1. 2. 1. Особенности перевода детской литературы	11
1. 2. 2. Английская литературная сказка	12
1. 3. Прагматические и лингвокультурологические аспекты коммуникации и перевода	13
1. 3. 1. Прагматика речевого общения	14
1. 3. 2. Лингвокультурологические особенности коммуникативного поведения носителей английского и русского языков	17
Выводы	21
Глава 2. Особенности передачи коммуникативного намерения при переводе высказываний на русский язык в зависимости от типа речевого воздействия	22
2. 1. Волеизъявления.....	22
2. 1. 1. Указание	22
2. 1. 2. Просьба	26
2. 1. 3. Совет	33
2. 2. Эмоциональные речевые воздействия.....	38
2. 2. 1. Угрозы.....	38
2. 2. 2. Жалобы	42
Выводы	49
Заключение	52
Список использованной литературы	54
Список сокращений источников	68
Список использованных сокращений.....	70

Приложение 1. Хронология первых публикаций анализируемых авторских сказок британских писателей.	71
Приложение 2. Типы РА в литературных сказках британских писателей.....	72
Приложение 3. Изменение ИС при переводе высказываний	73
Приложение 4. Переводческие стратегии при передаче ИС высказывания в зависимости от возраста потенциального читателя	74
Приложение 5. Изменение ИС высказывания в зависимости от возраста потенциального читателя.....	76
Приложение 6. Использование переводческих трансформаций при переводе высказываний	78
Приложение 7. Использование частиц при переводе высказываний на русский язык	79

Введение

Исследование посвящено изучению лингвокультурологических и прагматических особенностей передачи коммуникативного намерения (КН) при переводе английской литературной сказки на русский язык.

Актуальность исследования обосновывается, во-первых, большим интересом лингвистов к вопросу прагматической эквивалентности в переводе и к изучению взаимовлияния языка и культуры и национального лингвокультурного пространства. Во-вторых, работа имеет междисциплинарный характер: в ходе исследования учитывались экстралингвистические факторы, имеющие значение при выборе переводческих тактик, в частности, разность культур носителей английского и русского языков и особенности психологии читателя – ребёнка.

Новизна работы определяется тем, что ранее исследователи не проводили сопоставительный анализ переводов выбранных сказок анималистического жанра, ориентированных на юных читателей разных возрастов в контексте прагматической грамматики и лингвокультуры английского и русского языков.

Цель работы: выявление прагматических и лингвокультурологических особенностей передачи КН при переводе английской литературной сказки на русский язык.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выявить жанровые черты литературной сказки и особенности перевода детской литературы в целом;
- 2) сравнить особенности реализации волеизъявлений и эмоциональных речевых воздействий в английском и русском языках;
- 3) рассмотреть влияние лингвокультуры на выбор языковых средств при выражении волеизъявления и при оказании эмоционального речевого воздействия на английском и русском языках;
- 4) определить влияние возраста читателя на градуирование иллюкутивной силы (ИС) при передаче КН героев литературных сказок на русский язык;

5) установить, какие переводческие трансформации наиболее частотны при передаче КН литературных героев на русский язык.

Объектом исследования являются высказывания героев британских литературных сказок. **Предмет** исследования: переводческие трансформации и языковые средства, которые используются для выражения КН в оригинальном тексте сказок и при переводе на русский язык.

В ходе работы используются следующие **методы**: метод сплошной выборки, текстологический анализ, прагмалингвистический анализ, компонентный анализ, количественный анализ, семантический анализ, сопоставительный анализ, контент-анализ.

Материалом исследования послужили сказки Б. Поттер (переводы М. Гребнева, И. Токмаковой, В. Полищук, В. Луниной); М. Бонда (перевод А. Глебовской); К. Грэма (переводы И. Токмаковой, В. Резника); Р. Даля (переводы Е. Суриц, И. Кастальской) (см. Приложение 1). Выбор книг обусловлен рядом причин. Во-первых, сказки данных авторов являются неотъемлемой частью британской культуры, их произведения входят в рейтинги лучших детских книг. Во-вторых, детская литература, в частности, литературные сказки, вносят вклад в формирование языка будущего поколения. В-третьих, все сказки относятся к анималистическому жанру – их объединяют схожие жанровые характеристики. В-четвёртых, они рассчитаны на юных читателей разных возрастов: сказки Б. Поттер – для детей 4–5 лет, М. Бонда – 6–7 лет, Р. Даля – 8–9 лет, К. Грэма – 10–11 лет (возрастные рамки условны). Методом сплошной выборки с 974 страниц английского текста и 1416 страниц русского текста было собрано и классифицировано 563 высказывания, а проанализировано 263 примера – волеизъявления (указания, просьбы, советы) и эмоциональные речевые воздействия (угрозы, жалобы).

Структура исследования: работа состоит из введения, двух глав и выводов, заключения, списка использованной литературы, списка словарей, списка сокращений источников и списка использованных сокращений.

Глава 1. Теоретические основы исследования

1. 1. Особенности художественного перевода

1. 1. 1. Проблема адекватности перевода

Переводоведение – это полидисциплина, и поскольку переводчики работают не только с языком, но и с текстами, которые, в свою очередь, являются составляющими социально-культурной реальности, им необходимо обладать рядом компетенций (Гамбье 2016: 56, 59).

Задача любого переводчика – создание текста, равноценного оригиналу (Рум 2009: 82), то есть поиск адекватных эквивалентов (Перевышина 2013: 121). Перевод можно назвать творческим процессом, так как не всегда удаётся подобрать точный эквивалент языковой единицы языка оригинала (ЯО) при передаче смысла на языке перевода (ЯП) (Мысоченко 2017: 13).

Адекватность художественного перевода устанавливает его автор, определяя свою ответственность перед автором текста и будущим читателем (Гарбовский 2007: 312). Для создания адекватного перевода необходимо обладать следующими компетенциями:

- 1) лингвистическая – знание языковых норм языка;
- 2) коммуникативная – способность соотносить художественные и языковые средства с целями высказывания;
- 3) семантическая – умение выражать смысловое содержание текста на ЯП;
- 4) текстовая – умение создавать перевод, учитывая стилевые и жанровые особенности текста, поскольку они определяют специфику организации текста в целом (Шевнин 2006: 124-125);
- 5) межкультурная – знание культурных реалий автора текста и потенциального реципиента (Авхачева 2010: 95).

Совпадение текстов на ЯП у разных переводчиков наблюдается нечасто. Это связано с тем, что у каждого человека ментальный лексикон, играющий главную роль в продуцировании речи, индивидуален. Именно в ментальном лексиконе хранятся данные, необходимые для речепроизводства на

лексическом, синтаксическом и грамматическом уровнях и для того, чтобы обеспечить высказывания морфологической и фонологической завершённой (Фесенко 2002: 78-85). А высказывание является, по сути, вербализацией ментального лексикона индивидуума (Фесенко 2005: 53).

Адекватность художественного перевода зависит от того, насколько текст на ЯП соответствует смыслу и содержанию текста на ЯО: во внимание берутся и отдельные языковые единицы, и общий смысл, а задача переводчика – создать полноценный текст, который написан на одном языке средствами другого языка (Алексеева 2004: 5) и который позволит говорящему достичь желаемое воздействие на реципиента (Гусаров 2008: 103). В связи с этим соотношение между прагматикой текста на ЯО не всегда совпадает с прагматикой текста на ЯП (Комиссаров 2011: 136-137).

1. 1. 2. Прагматический аспект перевода

Понятие прагматики ввёл в 30-е годы XX века лингвист Ч. Морис. Прагматика – это не только прагматические значения языковых единиц (Абдуллах 2009: 28); она также рассматривает разность понимания коммуникативного процесса или отдельных языковых единиц участниками коммуникации из-за различного языкового и экстралингвистического опыта (Бархударов 2008: 107), и по мнению лингвистов прагматика важна для любого перевода (Гурина 2015: 4), но особенно – для перевода публицистических и художественных текстов (Нелюбова, Фомина 2018: 214).

Классификация типов прагматических отношений при переводе наглядно отражает разную степень важности прагматического аспекта перевода с учётом аудитории исходного языка и языка перевода: 1) тексты, имеющие цель воздействовать на носителей других языков; 2) тексты, рассчитанные на носителей языка оригинала и часто переводимые на другие языки (например, художественные произведения); 3) тексты, интересующие только носителей ЯО и переводимые в узком масштабе (например, газетные тексты); 4) тексты,

специально созданные для перевода – тогда прагматическая адаптация не применяется (Нойберт 1978: 197-198).

Так, художественный перевод предполагает рассмотрение прагматических характеристик текстов, а изменения оригинала неминуемы.

Следуя теоретическим работам о прагматике перевода, современные исследователи полагают, что перевод текста осуществляется с учётом его прагматического смысла – для этого во внимание берётся прагматическая установка как текста, так и его автора (Наер 1986: 4-13), поскольку прагматическая установка определяется целью, темой, основной идеей, жанром, стилем и общей стилистикой текста (Лепухова 2014: 224-225).

Стоит сказать об авторской интенции, которая реализуется через прагматическую установку автора и определяется как довербальное явление, задача которого – повлиять на реципиента (Левковская 1990: 25-30).

Функционалисты разработали «скопос-теорию», где скопос – это цель перевода, которая необязательно совпадает с целью текста (Шкирта 2017: 90). Лингвисты, разрабатывающие данную теорию, отмечают, что выбор метода перевода должен соответствовать не форме текста на ЯО, а его характеру и потенциальному реципиенту – переводчику следует как декодировать текст, так и кодировать его (House 1986: 179, 185), чтобы КН говорящего было реализовано в полной мере, при этом перевод может быть как близок к оригиналу, так и существенно отличен от него. Таким образом, скопос-теория предлагает создавать перевод, сравнивая культуры (Nord 1997: 34).

Другая теория, на которую стоит обратить внимание в контексте прагматики перевода, – теория релевантности, согласно которой передаваемая информация имеет ряд допущений, конструируемых реципиентом в когнитивном контексте и релевантных тогда, когда могут иметь контекстуальный эффект в данном контексте (Sperber, Wilson 2012: 122). Перевод в таком случае представляет коммуникативную деятельность с тремя участниками коммуникации: автор текста, переводчик, читатель, при этом переводчик выступает культурно-языковым посредником, участвующий в

двойной коммуникативной деятельности: как читатель текста на ЯО, он коммуницирует с автором, а как автор текста на ЯП – с читателем текста на ЯП. Задача переводчика – определить релевантность между когнитивными контекстами оригинала и перевода (Ло Мэн 2020: 47-48), раскрыть смысл оригинала и в полной мере передать его на ЯП (Zhu Yan 2007: 9).

Особый интерес представляет модель «динамической эквивалентности», включающая процесс создания и восприятия текста на ЯО с одной стороны и процесс создания и восприятия текста на ЯП с другой стороны. Придерживаясь данной модели, переводчик определяет прагматический аспект ведущим, так как от реакции реципиента на перевод зависит достижение желаемого коммуникативного эффекта (Швейцер 1988: 216; Neubert 1968: 239). Выбирая языковые эквиваленты, переводчик опирается на то, что текст должен звучать естественно (Nida 1964: 159).

Зачастую эквивалентный перевод подразумевает передачу прагматического потенциала текста на ЯО, однако разность культур носителей двух языков приводит к тому, что эквивалентный перевод не всегда прагматически адекватен, и в таком случае используется прагматическая адаптация – она может иметь различные цели: 1) обеспечение адекватного восприятия текста на ЯП реципиентом, не обладающим необходимыми фоновыми знаниями; 2) обеспечение адекватного восприятия текста на эмоциональном уровне; 3) обеспечение адекватного восприятия текста конкретным реципиентом в конкретной ситуации (Комиссаров 1990: 210).

Для реализации данных целей переводчики прибегают к различным трансформациям – существует несколько классификаций переводческих трансформаций (Алексеева 2004: 158-169; Бархударов 2008: 191-232; Гак 1988: 65; Латышев 2005: 30-39; Миньяр-Белоручев 1980: 184-192; Миньяр-Белоручев 1996: 99; Рецкер 2007: 45-129). В данной работе за основу берётся классификация трансформаций, разработанная В. Н. Комиссаровым: 1) лексико-грамматические (антонимический и описательный перевод; компенсация); 2) лексические (транскрипция, транслитерация; калькирование;

лексические замены); 3) грамматические (дословный перевод; членение и объединение предложений; грамматические замены) – она отражает уровень языка, на котором проводится преобразование при переходе от единиц на ЯО к коммуникативно-равноценным единицам на ЯП (Комиссаров 2002: 159-165).

Добавление и опущение В. Н. Комиссаров не выделяет как переводческую трансформацию – по мнению лингвиста, они относятся к переводческим приёмам (Комиссаров 1990: 246-250).

Переводческим трансформациям часто подвергаются прагматические (дискурсивные) маркеры, эксплицитно отражающие когнитивные связи в структуре дискурса, регулирующие коммуникативные ситуации (Каменский 2015: 59), синтаксически не связанные с предложением и выполняющие исключительно прагматическую задачу (Brinton 2008: 1; Блинова 2019: 187), способствующие построению логически связанного высказывания (Swan 2005: 151) и используемые с целью привлечь внимание адресата, повлиять на его КП (Даниэль 2008: 458). Прагматические маркеры важны при переводе, поскольку неадекватный перевод подобных языковых выражений может привести к потере дискурсивно-прагматического содержания высказывания на ЯО, а значит, КН говорящего не будет передано (Chaume 2004: 854).

Для перевода частиц также важен прагматический аспект: если русский язык отличается развитой системой частиц, то частеречный статус английских частиц не определён (Муханова 2017: 46, 48-49; Минчеков 2004: 7). В русистике существует ряд классификаций частиц (Виноградов 1972: 522; Галкина-Федорчук 1964: 230-237; Шахматов 1941: 189; Энциклопедия 1979: 390; Русская грамматика 1982: 723). В данной работе за основу берётся следующая классификация: смысловые (указательные, усилительные, определительно-уточняющие, выделительно-ограничительные), модальные (сравнительные, утвердительные, отрицательные, вопросительные, передающие косвенную речь, выражающие отношение к высказыванию, побудительные), формообразующие, эмоционально-экспрессивные частицы (Шанский, Тихонов 1987: 244-246).

1. 2. Проблема перевода детской литературы

1. 2. 1. Особенности перевода детской литературы

Язык детской литературной сказки – образный и эмоциональный, он отвечает детскому мышлению и мироощущению. При создании детской литературной сказки учитывается недостаток знаний ребёнка о мире (Токпаева 2018: 565), и её перевод предполагает создание текста, который будет доступен будущему реципиенту и адекватно им воспринят. Во-первых, текст должен формировать у ребёнка правильные нравственные устои: при этом важно учитывать законы страны, на которую нацелен создаваемый перевод (Громова 2021: 179). Во-вторых, создаваемые образы должны быть понятны читателю – они создаются с сохранением культурологических аспектов текста на ЯО, с учётом мировосприятия юного носителя ЯП. Таким образом, необходимо учитывать речемыслительные и познавательные возможности детей (Токпаева 2018: 565).

Перевод литературной (авторской) сказки – письменный перевод, при котором интерпретация текста с ЯО на ЯП выполняется в фиксированном виде, с постоянным доступом к исходному материалу (Комиссаров 2011: 114). Перевод литературной сказки – перевод художественного произведения, создавая который, переводчик передаёт смысл и содержание, а также эстетическую информацию, сохраняя стилистические фигуры и средства художественной выразительности и уделяя внимание лексике разных стилей – при художественном переводе когнитивная информация вторична по отношению к замыслу (Алексеева 2004: 313).

Перевод литературной сказки схож с переводом народной сказки, особенно при работе с элементами фольклористики. Сталкиваясь с культурными реалиями, переводчик адаптирует их под читателя, сохраняя авторский стиль, – он становится посредником между автором и читателем (Venuti 1995: 1), сводит две разные личности, устанавливая между ними

диалог (Lefevere 1977: 74); проводит работу психолога, чтобы понять замысел автора и передать его мысль на другом языке (Honig 1985: 13-14).

1. 2. 2. Английская литературная сказка

Сказка – литературный жанр, точные характеристики которого сложно определить. Лингвисты отмечают, что выделение жанровых особенностей – сложнейшая задача стилистики (Виноградов 1963: 15), что обосновывается рядом причин, в том числе, тем, что с течением времени менялись названия жанров, развивалась поэтика, менялись сами тексты (Кожина 2011: 56-57). Поскольку сказка отражает историю, культуру, психологию и быт народа, её изучением занимаются филологи, историки, культурологи и фольклористы.

Каждая сказка имеет особые мотивы и форму (Волков 1924: 6), она написана определённым художественным стилем (Никифоров 2008: 244) и отражает эпос народа. Однако все сказки имеют сквозные темы, мотивы и образы (Померанцева 1965: 11). Чётко ощутимый вымысел – один из основных признаков сказки (Аксаков 1861: 400; Пропп 1976: 87), который лёг в основу формирования термина английской филологии *fairy tale* (англ. «сказка») (Намычкина 2010: 104). Несмотря на фантастический элемент, сказки всегда соотносятся с реальностью (Померанцева 1965: 4). Сказка – повествование, выполняющее терапевтическую и дидактическую функции и отличающееся особой композицией и особыми стилистическими чертами (Пропп 1984: 38).

Литературная сказка – художественное произведение в прозе или стихах, сочетающее фольклорные традиции и вымысел автора. В отличие от народной сказки, она является результатом индивидуального творчества (Будур 1998: 301), поэтика её текста – уникальная, язык – живой (Доброницкая 1980: 12), повествователь – не безлик (Harries 2001: 101).

Литературная сказка нередко отходит от устойчивой схемы построения повествования, её текст может содержать современные реалии, счастливый конец факультативен, выбор места действия свободен, количество сюжетных линий и мотивов не ограничено. Она может иметь предысторию или

предполагать продолжение с теми же героями. Главный герой обладает яркими индивидуальными чертами. Поскольку она зафиксирована на письме, текст лаконичен, не предполагает разночтений (Намычкина 2010: 106-107).

Середина XIX века в Англии ознаменовывается началом «золотого века» английской детской литературы. В тот же период английская литературная сказка приобретала свои характерные черты: она основана на принципе дидактизма, но в то же время отражает социальные проблемы общества (Аникушкина 2012: 209-210), и таким образом, многие английские литературные сказки способны вести диалог не только с юными, но и со взрослыми читателями. Общие черты английских литературных сказок: нонсенс, обилие бытовых деталей, психологизм, ирония, юмор, игра слов, фантазия, игровое начало (Демурова 2000: 243-253); широкий литературный фон, диалог как двигатель сюжета (Дунаевская 2013: 16).

Сказки анималистического жанра, основным объектом изображения которых становятся животные, продолжили становление детской литературы, обратившись к изображению животных – одному из древних мотивов искусства (Гончарова 2021: 51, 59). С развитием анималистического жанра сказка приобретает скрытую назидательность, авторский замысел выражается через животные образы, повествование более реалистично (Мостепанов 2011: 3-4). Анализируемые в данной работе сказки относятся к типу сказки «животные как люди» – их герои сочетают анималистические и антропоморфные черты, и это определяет их поведение (Мостепанов 2011: 9).

1. 3. Прагматические и лингвокультурологические аспекты коммуникации и перевода

При общении носителей двух разных языков нередко возникают лингвоэтнические барьеры – в таком случае на помощь приходит межъязыковой посредник, который создаёт речевое высказывание, стремясь передать смысл оригинала средствами, воспроизводящими черты языковой личности говорящего и допустимыми для носителя ЯП. И тогда для

понимания смысла высказывания на ЯП переводчику необходимо знать языковые нормы, языковую систему, нормы коммуникативного поведения (КП) носителей двух языков (Гусаров 2013: 3, 7).

При переводе текст сказки обрабатывается так, чтобы он был понятен носителю ЯП. Выбирая языковые единицы, переводчик опирается на то, что текст должен звучать естественно (Nida 1964: 159) – для этого вносятся некоторые изменения с учётом разности психологических, социальных и культурных аспектов писателя и будущего читателя. Задача переводчика – переложить текст на ЯП так гармонично, чтобы не чувствовалась разница между культурами носителей ЯО и ЯП (Tytler 1978: 15).

1. 3. 1. Прагматика речевого общения

Лингвисты отмечают, что человек, участвующий в речевом общении, должен уметь строить предложения и в зависимости от коммуникативной ситуации корректно их использовать. Невозможно вывести единственное определение понятия «предложение» (Звегинцев 1976: 156). В данной работе предложение рассматривается как минимальная коммуникативная единица языка, выполняющая его главную функцию. В речевом общении главной единицей изучения является высказывание – оно может представлять собой как отдельное предложение, так и целый ряд предложений.

Предложение способствует выполнению основных коммуникативных функций языка: 1) констатирующей, 2) апеллятивной, 3) экспрессивной, 4) контактоустанавливающей, 5) метаязыковой, 6) эстетической (Маслов 1987: 9-10). Это возможно благодаря тому, что предложение обладает коммуникативной интенцией и когнитивным содержанием. Интенция – это целевая установка передать информацию слушателю (Алмаев 1998: 72), оказать определённое воздействие; это присущая сознанию концентрация на определённом предмете. Ввиду этого изучение КН связано не только с лингвистикой, но и с психологией (Поспелова 2001: 10): намерение начинается с необходимости или желания, а речь – это реализация данного намерения,

причём она обязательно направлена на достижения определённых практических задач, на осуществление КН (Никитин 2007: 521).

Коммуникативная интенция предложений определяется задачей, с которой носитель языка начинает речевой акт (РА).

Речевой (иллокутивный, лингвистический, языковой) акт – это реализация предложения в условиях коммуникации (Серль 1986b: 151); это минимальная единица речевой деятельности, сегмент дискурсивного пространства (Панченко, Никодимова 2018: 114; Пospelова 2001: 14).

В теории речевых актов РА – это трёхуровневое образование: 1) локутивный акт – РА в отношении к языковым средствам; 2) иллокутивный акт – РА в отношении цели и условий его реализации; 3) перлокутивный – РА в отношении результатов его реализации. При этом перлокуция – это воздействие речи на адресата, а иллокуция – это цели и намерения говорящего (Кобозева 1986: 13-14). В данном контексте учёные говорят об ИС высказывания, которая определяется КН говорящего (Серль 1986: 171-175).

В зависимости от цели разговора интенсивность выражения КН может варьироваться – говорящий реализует его в нейтральном варианте, смягчённом или, наоборот, усиленном (Александрова 2003: 3). Усиление и смягчение КН способствует варьированию экспрессивности РА – обращение к тем или иным способам усиления и смягчения КН варьируется в зависимости от того, какое воздействие оказывается на адресата (Пospelова 2001: 9).

В связи с разностью смыслового содержания высказываний и с учётом способов достижения КН, выделяют различные классификации РА. Дж. Серль и Д. Вандервекен делят высказывания на следующие типы: 1) репрезентатив – утверждение; 2) комиссив – обещание или угроза; 3) декларатив – попытка изменить ситуацию; 4) экспрессив – выражение чувств; 5) директив – побуждение (Searle, Vanderveken 1985: 12-20). Г. Г. Почепцов выделяет следующие группы РА: 1) констатив – утверждение; 2) промисив – обещание; 3) менасив – угроза; 4) перформатив – констатация совершаемого действия; 5) директив – побуждение; 6) квеситив – вопрос (Почепцов 1981: 52-59). Е. И.

Беляева делит директивы на прескриптивы (распоряжения, заказы, приказы, требования, разрешения, запрещения, предписания, инструкции); суггестивы (советы, предложения, предупреждения); реквестивы (просьбы, приглашения, мольбы) (Беляева 1992: 15-20). Так, в разных классификациях один РА может относиться к разным типам: например, если у Дж. Серля и Д. Вандервекена обещание и угроза относятся к одному типу РА и являются комиссивами, то по классификации Г. Г. Почепцова обещание является промисивом, а угроза – менасивом. Интересен подход Т. Н. Шелингер: при изучении высказываний она применила полевой подход и отметила, что угрозы находятся на периферии между областями директива и комиссива (Шелингер 1986: 10-12).

Однако для перевода высказываний важно не столько соотнесение высказывания с типом РА, сколько понимание того, какое воздействие оказывает говорящий, тем более что любой текст обладает воздействующим потенциалом (Ценностная картина мира англоязычного социума 2019: 11). В связи с этим более существенной представляется рассмотрение классификации речевых воздействий – выделение речевого воздействия ориентировано не на результат, а на КН (Федорова 1991: 46), а для создания адекватного перевода реплики персонажа именно данный фактор является существенным. Так, Л. Л. Фёдорова выделяет следующие группы речевых воздействий: 1) социальные; 2) оценочные и эмоциональные; 3) волеизъявления; 4) разъяснение и информирование (Фёдорова 1991: 48-50). В ходе работы были рассмотрены волеизъявления – указания, просьбы, советы – и эмоциональные речевые воздействия – угрозы и жалобы (слитные РА, то есть содержащие обязательный эмоциональный компонент (Поспелова 2001: 22)). Выбор речевых воздействий обосновывается тем, что при их реализации в большей степени проявляются как прагматические, так и лингвокультурологические различия КП носителей двух языков. Кроме того, выбор основывался на количественных показателях – это наиболее частотные виды волеизъявлений и эмоциональных речевых воздействий.

Говоря об эмоциональных речевых воздействиях, необходимо обратиться к исследованиям в области психологии и определить, что называется эмоцией. Специалисты рассматривают эмоции и чувства как тождественные друг другу понятия (Левитов 1946: 95; Теплов 1951: 155; Егоров 1952: 158), или чувства как вид эмоций (Ильичев 1983: 776), или чувства как определённые эмоциональные состояния (Бочкарев 2017: 7-8). В данном исследовании грань между понятиями не проводится, так как эмоциональные речевые воздействия направлены на внутренние переживания человека и возможны в сфере межличностных субъектно-эмоциональных отношений (Федорова 1991: 50), а эмоции, как и чувства, выражают отношение к ситуации (Реверчук 2016: 15).

Эмоциональное речевое воздействие всегда направлено на чувства реципиента: так, жалоба направлена на то, чтобы вызвать у реципиента жалость (*pity*) – вид эмоций/чувств (Пиотровская 2021: 135), образующий один из основных фрагментов языка и культуры (Мельникова: 2010: 75); её реализация обусловлена стремлением говорящего обрести эмоциональную поддержку и понимание, утешение (Никифоренко 2012: 350).

При переводе высказываний необходимо учитывать как прагматические, так и экстралингвистические факторы, в частности, культуру носителей языка и разницу мировосприятий носителей разных языков, особенности системы нравственных ценностей и менталитета (Комиссаров 1990: 32; Нелюбова, Фомина 2018: 212) – таким образом, для создания лингвокультурологической адекватности проводится прагматическая адаптация лингвокультурем (Гусаров 2013: 11), изучением которых занимаются лингвокультурологи.

1. 3. 2. Лингвокультурологические особенности коммуникативного поведения носителей английского и русского языков

Лингвокультурология – синтезирующая научная дисциплина, изучающая взаимосвязь культуры и языка и расположенная на стыке этнолингвистики, этнопсихологии, социолнгвистики, истории культуры и других наук (Волков, Гурулева 2019: 57; Воробьев 2006: 36; Кадибагомаева, Юсупова 2015: 44-45;

Красных 2002: 12; Маслова 2001: 2). Развитие лингвокультурологии определяется стремлением современной науки осмыслить культуру как специфическую форму существования человека в мире (Шаклеин 2012: 7). Подбор лексических единиц (ЛЕ) для создания текста на ЯП зависит как от лингвистических, так и от культурологических факторов (Авдеева 2016: 15). Так, изучая язык определённой культуры, переводчик исследует саму культуру (Винокур 1959: 211), в частности, лингвокультуру – культуру, реализованную и закреплённую в языковых знаках (Федоров 2014: 83).

При изучении лингвокультуры носителей языка во внимание берётся КП – совокупность норм и традиций общения народа (Стернин 1989: 279-282; Стернин 2000: 4-5), реализуемая в определённом формате общения – в дискурсе (Шейгал 2000: 11). КП – одна из основных областей, где взаимодействуют язык и культура (Казымова 2018: 20), которые, в свою очередь, не могут существовать вне человека (Тер-Минасова 2008: 41). В лингвистике КП рассматривается как культурно обусловленный коммуникативно-психологический феномен (Лемяскина, Стернин 2000: 5). Если сравнивать КП и речевой этикет, КП – более широкое понятие, это реальная коммуникативная практика, а языковой этикет связан со стандартными речевыми формулами, применимыми в конкретной ситуации; так, к КП примыкает бытовое поведение (Лемяскина, Стернин 2000: 9-10).

Поскольку в данной работе анализируются волеизъявления и эмоциональные речевые воздействия, в первую очередь стоит отметить, что при оказании воздействия на собеседника носители английского языка в большей степени думают о форме высказывания, в то время как русские коммуниканты – о его содержании (Стернин, Ларина, Стернина 2003: 148). Так, носитель русского языка использует прямые конструкции при реализации РА совета (Вахтель 2000: 44) и Я-высказывания в РА угрозы (Вахтель 2000: 44). В этом проявляется характерная черта русского КП – эгоцентризм (Турунен 2000: 32; Прохоров, Стернин 2006: 138), который носители английского языка стремятся завуалировать (Стернин, Ларина, Стернина

2003: 148). Здесь также проявляется коммуникативная доминантность, характерная для русского КП (Прохоров, Стернин 2006: 101) – носитель русского языка ощущает за собой право оказывать давление на собеседника при реализации просьб и советов. Кроме того, для русской лингвокультуры характерны безглагольные модели, усечённые конструкции и отсутствие эксплицитного выражения коммуникативного задания – редкое использование перформативов (Вахтель 2000: 44).

Благодаря особенностям русского языка собеседники выражают вежливость теми способами, некоторые из которых отсутствуют в английской лингвокультуре – например, с помощью обращения на Вы (Ларина 2009: 230).

Обращения важны при переводе – они являются частью языковой системы, и в их узус заложен прагматический потенциал: обращения позволяют усилить или ослабить прагматическое воздействие (Леонович 1999: 180-184). Кроме того, использование обращений зависит от отношений между коммуникантами и других экстралингвистических факторов. Так, например, степень статусного неравенства в русской лингвокультуре выше, чем в английской (обращения по имени-отчеству, личные местоимения второго лица *ты/вы* и т. д.), и это влияет на стиль коммуникации – для английского языка характерна симметричность взаимоотношений и значительная степень неформальности, в то время как в русской лингвокультуре статусная дистанция значительно больше (Ларина 2009: 46-51).

Для английской лингвокультуры улыбка – это сигнал вежливости, в то время как для русского КП характерная бытовая неулыбчивость (Стернин 2000b: 52). Так, для английской лингвокультуры характерно сближение с собеседником с помощью демонстративной приветливости и коммуникативной аттрактивности (Прохоров, Стернин 2006: 140-141), при этом носители русского языка расценивают такое поведение как коммуникативную неискренность. Как отмечают психологи, это связано со стремлением англичан произвести впечатление на собеседника (Душков 2001: 478-479), которое проявляется в словах и манерах и выступает основой их

вежливости (Ларина 2009: 416-424). Здесь же следует отметить коммуникативный пессимизм, характерный для русской лингвокультуры (Прохоров, Стернин 2006: 123, 178) и особенно отмечаемый иностранцами, которые общаются с носителями русского языка. Лингвисты, сопоставляющие английское и русское КП, отмечают, что, в сравнении с носителями русского языка, англичане прилагают больше коммуникативных усилий для демонстрации уважения и своего расположения. Отсюда, демонстративная приветливость (Стернин, Ларина, Стернина 2003: 145-146) и демонстративное уважение к автономии собеседника – стратегии дистанцирования (Brown Levinson 1987: 129, 145; Ларина 2009: 172), то есть сведения вмешательства к минимуму (Brown, Levinson 1987: 176-178).

Открытость и эмоциональность характерны для русского КП – это определяется соборностью бытия русского человека (Прохоров, Стернин 2006: 88), – в то время как англичане не склонны сближаться с собеседником и часто ограничиваются формулами вежливости (Стернин, Ларина, Стернина 2003: 93). Например, в английской лингвокультуре восклицательные предложения используются как способ передачи восхищения и удивления (Рябова 2020: 185) или вербализации призыва (Hoad 1996: 78) – это связано с тем, что носители английской лингвокультуры осуждают вспыльчивость: для них умение управлять эмоциями тождественно эмоциональной зрелости (Ларина 2013: 111), а самообладание – главное достоинство (Овчинников 1987: 42). В русской лингвокультуре использование восклицательных предложений не ограничено конкретными ситуациями, что обосновывается эмоциональностью русского человека, его склонностью к открытому выражению эмоций (Куличенко 2015: 91; Фомиченко 2010: 315).

Выводы

1. Перевод художественного текста должен быть адекватным и эквивалентным. Для этого на лексическом, грамматическом и лексико-грамматическом уровнях применяются переводческие трансформации.

2. Литературная сказка сочетает народные мотивы и авторский вымысел, фольклорные традиции и индивидуальный художественный стиль – это отражается на процессе её перевода: учитываются психологические, социальные и культурные особенности автора текста и будущего юного читателя, преодолевается разность культур и языков.

3. Лингвокультурологический и прагматический аспекты перевода – важные составляющие интерпретации текста, которые учитываются при передаче КН текста оригинала для создания адекватного перевода.

4. При переводе высказываний необходимо определить КН говорящего, реализуемого посредством РА. Для оказания определённого речевого воздействия говорящий использует языковые средства, усиливает или смягчает КН, градуируя ИС высказывания. Типология речевых воздействий включает социальные, оценочные и эмоциональные речевые воздействия, разъяснение и информирование, волеизъявления. В ходе исследования анализируются волеизъявления (указания, просьбы, советы) и эмоциональные речевые воздействия (жалобы, угрозы). Эмоциональное речевое воздействие влияет на эмоции реципиента – в данном исследовании эмоции и чувства рассматриваются как тождественные друг другу.

5. Для передачи прагматического потенциала текста оригинала, а также КН говорящего и особенностей его КП при переводе литературной сказки необходимо проводить прагматическую адаптацию.

6. Лингвокультурологический аспект перевода предусматривает сокращение культурной дистанции. Учитываются многие особенности КП носителей двух языков, в том числе, то, что для англичан важнее форма высказывания, для носителей русского языка – содержание; в русском языке эксплицитность выражения КН выше, чем в английском языке.

Глава 2. Особенности передачи коммуникативного намерения при переводе высказываний на русский язык в зависимости от типа речевого воздействия

2. 1. Волеизъявления

Высказывания-волеизъявления выражают побуждение говорящего в отношении адресата. По классификации Дж. Серля и Д. Вандервекена они относятся к директивным (Серль 1986: 171-175). В данном разделе будут рассмотрены директивы-прескриптивы – на примере указаний (Фёдорова 1991: 49), директивы-реквестивы – на примере просьб (Беляева 1992: 15-20), директивы-суггестивы – на примере советов (Фёдорова 1991: 49).

Высказывания-волеизъявления составляют 75% от общего числа проанализированных примеров. Анализ будет проводиться с опорой на количественные данные: от более частотной группы к менее частотной.

2. 1. 1. Указание

В рамках данного исследования было обнаружено 106 примеров указаний, и это самый большой пласт высказываний-волеизъявлений в исследуемой детской литературе: 42% от общего числа проанализированных в ходе работы высказываний и 48% от общего числа волеизъявлений. Предположительно, тенденция к использованию указаний связана с тем, что они обладают ИС, отвечающей одной из главных задач детской литературы – дидактичности. Указания – один из наиболее строгих и прямолинейных высказываний-волеизъявлений, а значит, они наиболее назидательны.

В ситуациях, когда говорящий даёт указания, между коммуникантами могут быть самые разные отношения. С одной стороны, указания появляются в коммуникативных ситуациях, когда адресат и адресант общаются на равных (общение между знакомыми, товарищами, родственниками); с другой стороны, их можно встретить в высказываниях тех, кто занимает более высокую социальную позицию и имеет влияние на адресата (в сказках,

например, старшие дают указания младшим; представители государственных учреждений дают указания гражданам). Таким образом, коммуникативные ситуации могут быть различны.

При переводе указаний используются переводческие трансформации как на лексическом, так и на грамматическом уровнях.

Так, переводческие трансформации на лексическом уровне наиболее важны при переводе устойчивых фраз и выражений, в том числе, при переводе единиц фразеологического фонда:

1	O stop being an ass , Toad! (Г1, с. 28)	Перевод И. Токмаковой	Перевод В. Резника
		Перестань валять дурака , Тоуд! (Г1, с. 52)	Прекратите быть ослом , Жабб! (Г2, с. 30)

Фразеологическая единица *to be an ass* переводится В. Резником с помощью приёма калькирование – *быть ослом*, – в то время как И. Токмакова приводит аналогичное выражение русского языка – *валять дурака*, что обосновано тем, что в русской лингвокультуре за ослом закрепилось упрямство (отсюда, *упрямый как осёл*), не глупость (то, что подразумевается в тексте оригинала). Так, была произведена замена на лексическом уровне.

Переводческие трансформации проводятся и на грамматическом уровне:

2	Here, stop arguing and come and scrape! (Г1, с. 39)	Перевод И. Токмаковой	Перевод В. Резника
		Сейчас же престань разглагольствовать, иди и разгребай снег! (Г1, с. 73)	Вот что: кончайте-ка свои разглагольствования и помогите мне! (Г2, с. 44)

Иллюстративным является перевод глагола *stop* в приведённом примере. Так, И. Токмакова переводит данную ЛЕ с помощью глагола *переставать* и для образования нужной грамматической формы использует суффикс *-нь*, вводит усилительную частицу *же* (см. п. 1. 1. 2.), усиливая КН говорящего. В. Резник включает в текст перевода глагол русского языка *кончать* и образует побудительное наклонение с помощью формообразующего суффикса *-те* и формообразующей частицы *-ка*, смягчая КН говорящего. Таким образом, наклонение глагола совпадает в двух переводах.

Однако различается способ образования императивов. Как известно, перевод текста создаётся с учётом экстралингвистических факторов, в том числе, учитываются отношения между коммуникантами. В данном случае

переводчики по-разному интерпретируют одно и то же высказывание: в переводе И. Токмаковой звучит обращение на *ты*, в то время как в переводе В. Резника – обращение на *вы* (см. п. 1. 3. 2.). Ввиду этого ИС переводных высказываний отличаются – при обращении на *вы* КН смягчается.

Нередко переводческие трансформации направлены на то, чтобы интерпретация высказывания звучала естественно для лингвокультуры ЯП. Дело в том, что в русском КП отмечается высокая степень коммуникативной настойчивости для достижения своей цели и прослеживается коммуникативная доминантность в общении с окружающими (Стернин, Ларина, Стернина 2003: 159). Учитывая это, переводчик обращает особое внимание на грамматику, в особенности, на наклонение глагола:

3	First of all I want you to press one of them down on this ink pad, then on some paper, so that we have a record of it for future reference. (B1, с. 23)	Перевод А. Глебовской
		Сначала прижмите лапу к этой подушечке с чернилами, а потом – к листу бумаги, и мы их поместим в нашу картотеку. (Б1, с. 20)

В оригинальном высказывании Майкл Бонд использует инфинитивную конструкцию (the Objective-with-the-Infinitive construction), и А. Глебовская прибегает к грамматической субъектно-объектной трансформации, меняя форму инфинитива на форму императива: *I want you to press – прижмите*. Это наглядно иллюстрирует разность английского и русского КП: в английской лингвокультуре указание даётся опосредованно. Стоит отметить, что данные трансформации способствуют тому, что в переводе на русский язык ИС увеличивается (за счёт использования побудительного наклонения).

В то же время данная субъектно-объектная трансформация отражает склонность англичан отходить от безличных предложений, подчёркивая свою индивидуальность, что не характерно для русской лингвокультуры, в которой отчётливо прослеживается коллективизм менталитета и стремление раствориться в потоке речи, отойти от роли активного действующего индивидуума, ответственного за свои слова (в данном случае – за своё указание), и сделать ответственность безличной (Тер-Минасова 2008: 120).

Нередко грамматические трансформации необходимы для адекватной передачи смысла, заложенного в текст оригинала:

4	Let it alone. (P2, с. 55)	Перевод М. Гребнева	Перевод В. Луниной
		Оставь его. (П8, с. 71)	Пусть там и лежит. (П2, с. 71)

Вышеуказанные высказывания выражены семантически эквивалентными побудительными предложениями. Однако ввиду того, что В. Лунина образует императив с помощью частицы *пусть*, КН смягчается, в то время как в переводе М. Гребнева оно остаётся прежним.

Изменение ИС также возможно благодаря использованию различных переводческих трансформаций – например, с помощью приёма добавление.

5	You have a try , Ханка Манка (P2, с. 54)	Перевод М. Гребнева	Перевод В. Луниной
		Сама попробуй нарезать, Скреберта (П8, с. 70)	Давай-ка ты, Ханка-Манка. Может у тебя что получится! (П2, с. 71)

Для перевода приведённого выше высказывания М. Гребнев и В. Лунина выбирают разные стратегии. Как результат, высказывания на ЯП отличаются не только на лексическом и грамматическом уровнях, но и на уровне прагматики – различна их ИС. Так, В. Лунина смягчает КН на лексическом и синтаксическом уровнях: с помощью частицы *-ка* и вводного слова *может* – такая комбинация приёмов позволяет переводчику добиться адекватности перевода на разных уровнях. М. Гребнев сохраняет КН оригинального высказывания, используя грамматические формы ЯП, эквивалентные грамматике исходного высказывания: фразу *have a try* он переводит глаголом в повелительном наклонении *попробуй*, а личное местоимение *you*, которое усиливает ИС исходного высказывания, интерпретирует с помощью определительного местоимения русского языка *сама*.

Особого внимания заслуживают случаи, когда переводчики избирают одинаковые стратегии перевода:

6	Hold it. (Д1, с. 24)	Перевод И. Кастальской	Перевод Е. Суриц
		Стоп! (Д1, с. 25)	Стоп! (Д2, с. 25)

При переводе указания *Hold it* И. Кастальская и Е. Суриц ориентируются на КН, заложенное в оригинальное высказывание. Поскольку адресант стремится побудить адресата реализовать его указание как можно быстрее, переводчики используют ЛЕ *Стоп* и выбор ЛЕ обосновывается тем, что такая команда вызовет у носителя ЯП незамедлительную реакцию. Так, благодаря трансформации на лексическом уровне удаётся передать КН говорящего.

Кроме того, особое внимание уделяется пунктуации. Если в тексте оригинала предложение завершается точкой и читатель понимает, что интонация говорящего нисходящая, то при переводе как И. Кастальская, так и Е. Суриц меняют интонацию предложения: оно становится восклицательным – таким образом, проявляется эмоциональное отношение говорящего к сообщаемому, поскольку данное предложение будет произноситься с особой, восклицательной интонацией с повышением тона (на письме это зафиксировано с помощью восклицательного знака) (Токтарова 2015: 84). В этом проявляется особенность русского КП – громкость ведения разговора между носителями русского языка заметная, при этом вероятность повысить громкость речи значительно выше, чем в английском КП (Прохоров, Стернин 2006: 146) (см. п. 1. 3. 2.). Кроме того, это происходит с ориентированием на потенциального читателя: поскольку в более младшем возрасте адресаты более восприимчивы к эмоциональной речи (Величкова, Абакумова 2007: 64, 67; Абакумова, Шурова 2007: 119) – сначала дети воспринимают интонацию, затем ритм и звуковой состав слова (Гвоздев 2007: 139-142, Цейтлин 2000: 18).

Следует отметить, что полное совпадение текстов перевода разных авторов наблюдается редко (см. п. 1. 2. 2). Тот факт, что при интерпретации некоторых высказываний переводчики используют одинаковые стратегии, свидетельствует о том, что это характерно для национального КП.

2. 1. 2. Просьба

Следующий тип высказываний-волеизъявлений, который будет рассмотрен в данном разделе, – это просьбы. Они составляют 33% от общего числа проанализированных высказываний, и это – 83 языковых примера.

Данная группа высказываний-волеизъявлений – одна из самых разнообразных. В репликах героев британских авторских сказок встречаются просьбы что-то сделать, просьбы дать информацию (Фёдорова 1991: 49), а также просьбы об одолжении, о разрешении; при этом коммуниканты могут быть разные: родители и дети, супруги, друзья, малознакомые собеседники.

Стоит отметить, что просьбы более частотны в случаях, когда коммуниканты равны по статусу и социальной роли, нежели в общении между теми, кто занимает разные позиции в социальной иерархии – для такого уровня общения более характерны волеизъявления-указания (см. п. 2. 1. 1).

Просьбы обладают меньшей ИС в сравнении с указаниями, поэтому при переводе важно учитывать стратегии вежливости ЯП и ЯО:

7	Old Mr. Brown , will you favour us with permission to gather nuts upon your island. (P2, с. 33)	Перевод М. Гребнева Позвольте набрать орехов на острове, дедушка! (П1, с. 9)	Перевод В. Полищук Достопочтенный мистер Ух , будете ли вы столь любезны, чтобы дать нам разрешение пособирать орехи на вашем острове? (П3, с. 9)
---	--	--	---

КН говорящего в приведённых выше высказываниях – добиться разрешения у адресата. Для того чтобы просьба была выполнена, говорящему необходимо внимательно подойти к выбору обращения: нужно установить контакт с адресатом и расположить его к себе, а как известно, именно прямое обращение способствует установлению межличностных отношений (см. п. 1. 3. 2.). Вот почему как М. Гребнев, так и В. Полищук обращают особое внимание на перевод обращения. Поскольку в английской и русской лингвокультурах обращения разнятся, перед переводчиками стоит задача сделать перевод наиболее естественным для русскоговорящего читателя. Так, В. Полищук делает высказывание более вежливым и увеличивает дистанцию между говорящими за счёт ЛЕ высокого стиля *достопочтенный*, в то время как М. Гребнев вводит лексику *дедушка*, сокращая дистанцию между коммуникантами. Стоит отметить, что обращение *дедушка* употребляется в данном случае не в адрес родственника, но при обращении к малознакомому человеку, и это считается нормативным для русской лингвокультуры, в то время как в английской лингвокультуре подобные обращения функционируют исключительно в адрес родственников (Ларина 2009: 375).

Ещё одно отличие в интерпретациях двух переводчиков – их подход к работе над структурой предложения. В. Полищук сохраняет её, создавая текст, максимально близкий к оригиналу, а М. Гребнев отходит от структуры оригинального высказывания: он опускает многие вежливые формулы, делая

фразы менее витиеватыми (приём опущения), меняет косвенную просьбу на прямую – ИС высказывания увеличивается.

Особый интерес представляют примеры высказываний-просьб, в состав которых включены устойчивые выражения – такие высказывания необходимо переводить с опорой на лингвокультурологические аспекты, на ЯП высказывание должно звучать естественно, и каждый его компонент должен играть свою роль в сохранении КН говорящего:

8	Here, Mole, fry me some slices of ham, like the good little chap you are. (Г1, с. 47)	Перевод И. Токмаковой	Перевод В. Резника
		Крот, дружище , не в службу, а в дружбу, поджарь мне кусочек-другой ветчинки, <...> (Г1, с. 90)	И вот что, Крот. Вы парень что надо : поджарьте мне малость ветчина! Не в службу, а в дружбу. (Г2, с. 56)

В связи с необходимостью адекватно интерпретировать высказывание и сохранить КН, ни один из переводчиков не интерпретирует *like the good little chap you are* дословно – они подбирают контекстуальные аналоги: И. Токмакова использует выражение *не в службу, а в дружбу*, а В. Резник вводит выражение *парень что надо*. Фразы *like the good little chap you are* и *парень что надо* семантически близки, в связи с чем можно заключить, что в обеих лингвокультурах представляется важным похвалить адресата, чтобы расположить его к себе и настроить на выполнение просьбы. Также сближению носителей русской лингвокультуры способствует установление личных контактов – устойчивое выражение *не в службу, а в дружбу*, которую носители русского языка часто включают в высказывания-просьбы, построена на антитезе *служба-дружба*: она иллюстрирует, что русский человек готов сделать многое для того, кто ему близок, причём ответственность перед близкими людьми представляется более значимой, чем ответственность по долгу службы. В английском языке не удалось найти фразеологической единицы, построенной на подобной антитезе.

В переводе высказывания И. Токмакова добавляет обращение *дружище*, которое смягчает КН и располагает адресанта к выполнению просьбы. Семантически, это слово определяет близость между коммуникантами; морфологически, суффикс *-ищ-* передаёт эмоции говорящего, усиливает ИС

высказывания в целом. Это обращение позволяет установить контакт между коммуникантами и сократить дистанцию между ними, что характерно для КП русского человека (Прохоров, Стернин 2006: 145).

Данный пример иллюстрирует, что при переводе просьб используются грамматические трансформации, в частности, членение предложений, как в переводе В. Резника, – это позволяет усилить коммуникативный эффект.

Не менее частотными в просьбах являются ЛЕ и устойчивые выражения, входящие в семантическое поле *please / пожалуйста* – формулы вежливости:

9	Mr Clerk, will you tell us, please , what is the very stiffest penalty we can impose for each of these offences? (Г1, с. 75)	Перевод И. Токмаковой	Перевод В. Резника
		Уважаемый Секретарь, не будете ли вы любезны сказать , какое самое суровое наказание мы можем дать ему за каждое из означенных преступлений? (Г1, с. 145)	Г-н Клерк, будьте добры, огласите суду высшие меры наказания по упомянутым Статьям Уважаемого Законодательства. (Г2, с. 98)

В английском языке модификатор *please* является частью общепринятой формулы, в то время как в русской лингвокультуре директив, КН которого смягчено с помощью модификатора *пожалуйста*, позволяет легко перевести требование в просьбу, то есть сделать волеизъявление мягче и вежливее (Стернин, Ларина, Стернина 2003: 148). Примечательно, что в данном примере английская ЛЕ *please* переведена не полным эквивалентом русского языка *пожалуйста*, но контекстуально синонимичными выражениями *не будете ли вы любезны* (в переводе И. Токмаковой) и *будьте добры* (в переводе В. Резника), что способствует усилению КН говорящего. Речевые формулы *не будете ли вы любезны* и *будьте добры* – это средства усиления просьбы, которые не характерны для английской лингвокультуры, но типичны для русского КП при выражении просьб (Ларина 2009: 132). Оба переводчика выбирают стратегию усиления КН, основываясь на особенностях русской лингвокультуры, – носители русского языка склонны к установлению дружеских отношений в любых коммуникативных ситуациях, в то время как носители английской лингвокультуры соблюдают формально-этикетные отношения с окружающими и официальное общение, построенное по формально установленным канонам (Стернин, Ларина, Стернина 2003: 156).

Кроме того, важную роль играет выбор грамматической формы глагола, выражающего желательное действие. Так, В. Резник ставит глагол *огласить* в форму повелительного наклонения – говорящий напрямую побуждает выполнить его просьбу – и предваряет императив речевой формулой вежливости *будьте добры*, сохраняя ИС оригинального высказывания. Таким образом, меняется тип предложения с вопросительного на утвердительное.

Стремясь сохранить ИС высказывания – следуя той же цели, что и М. Гребнев, – И. Токмакова выбирает условное наклонение и строит просьбу в форме отрицательного вопросительного предложения – *Не будете ли вы так любезны..?*, – что характерно для русского КП и является проявлением исключительно русской вежливости, в то время как использование отрицания в подобных высказываниях английского языка соответствовали бы иному КН говорящего – они содержали бы упрёк или удивление (Ларина 2013: 109). Вероятно, использование отрицания при выражении просьбы связано с тем, что носители русского языка склонны к отрицанию, здесь также проявляется коммуникативный пессимизм, характерный для русской лингвокультуры – он нашёл своё отражение в отрицательной форме глагола.

Бесспорно, коммуникативный пессимизм более характерен для русской лингвокультуры, но в ходе исследования удалось зафиксировать примеры, подтверждающие, что и в английской лингвокультуре он имеет место быть (Brown, Levinson 1987: 173-176):

10	Since you live here, <...> perhaps you wouldn't mind answering a few simple questions (B1, с. 104)	Перевод А. Глебовской Раз уж вы здесь живёте, может, не откажетесь ответить на несколько вопросов? (B1, с. 93)
----	---	--

Высказывание выше – крайне вежливая просьба дать разрешение, поэтому в тексте оригинала вопрос формулируется через отрицание: *perhaps you wouldn't mind*. Как было сказано ранее, такое выражение просьбы более характерно для русской лингвокультуры, однако подобные структуры английских высказываний позволяют говорящему дистанцироваться, предоставляя адресату выбор выполнять или проигнорировать просьбу.

Стремясь сохранить ИС исходного высказывания, А. Глебовская переводит вводное слово *perhaps* полным аналогом русского языка *может*, однако для английской конструкции *wouldn't you mind* в русском языке нет полного эквивалента, поэтому для передачи КН переводчик использует ЛЕ *отказаться – не откажетесь....*

Английское КП отличается доброжелательным входом в контакт и высокой степенью приветливости (см п. 1. 3. 2.), поэтому при выражении просьбы носитель английского языка склонен делать акцент на собеседнике. Аналогичная тенденция прослеживается в русской лингвокультуре:

11	Ratty <...> if you please , I want to ask you a favour (Г1, с. 19)	Перевод И. Токмаковой	Перевод В. Резника
		Рэтти <...> я хочу тебя о чём-то попросить , можно? (Г1, с. 35)	Если позволите , Крысси, я попрошу вас об одном одолжении (Г2, с. 16)

В тексте оригинала говорящий обращается к собеседнику за разрешением попросить об одолжении. Для передачи КН переводчики прибегают к грамматическим трансформациям – так перевод становится и эквивалентным, и адекватным для носителя русской лингвокультуры.

В тексте оригинала высказывание построено в форме условного предложения, и переводчики по-разному трансформируют его грамматику. Так, В. Резник сохраняет условное наклонение – *if you please / если позволите*, – в то время как И. Токмакова уходит от него и эксплицитно выражает КН говорящего – *хочу тебя о чём-то попросить*, – при этом ИС высказывания остаётся на том же уровне, что и высказывание в тексте оригинала – благодаря модальному глаголу *можно*. Получается, что КН говорящего сохраняется и высказывания отвечают коммуникативной ситуации вне зависимости от способа выражения КН – будь оно эксплицитно (как в переводе И. Токмаковой) или имплицитно (как в переводе В. Резника).

Также стоит рассмотреть примеры просьб, в которых КН говорящего усиливается с помощью грамматических средств, отсутствующих в ЯП.

12	Now do be careful (Д1, с. 14)	Перевод И. Кастальской	Перевод Е. Суриц
		Только, пожалуйста , будь осторожен (Д1, с. 15)	Только умоляю тебя , будь поосторожней (Д2, с. 16)

Автор оригинального высказывания добавляет эмфатический глагол *do*, увеличивая ИС высказывания-просьбы. Для передачи КН переводчики прибегают к переводческим трансформациям: поскольку в русском языке категория вспомогательных глаголов отсутствует, эмфатический глагол *do* заменяется усилительной частицей *только* (см. п. 1. 1. 2.) – это позволяет передать КН говорящего, в частности, настойчивость его просьбы. Далее И. Кастальская вводит ЛЕ *пожалуйста*, а Е. Суриц – конструкцию *умоляю тебя*, благодаря которым ИС высказывания усиливается: подчёркивается, что для говорящего очень важно выполнение данной просьбы собеседником. Таким образом, если в ЯП отсутствует полный эквивалент ЛЕ или грамматической категории, используемой в тексте оригинала, адекватность и эквивалентность перевода достигается благодаря переводческим трансформациям, и для читателя перевода текст звучит естественно, а КН не теряется.

В этом ключе интересны просьбы, построенные с использованием устойчивых ЛЕ:

13	Come and bear a hand , can't you? (Г1, с. 28)	Перевод И. Токмаковой	Перевод В. Резника
		Что ты сидишь, помоги нам! (Г1, с. 52)	Помогли бы нам, что ли! (Г2, с. 30)

Данный пример примечателен тем, что переводчики меняют вопросительное предложение на восклицательное, при этом сохраняя КН. Дело в том, что в оригинале используется разделительный вопрос (tag-question) – он придаёт высказыванию большую ИС, – но поскольку в русском языке нет эквивалентной конструкции, переводчики используют синтаксические аналоги: *Что ты..., ...что ли!*

Разнятся переводческие стратегии И. Токмаковой и В. Резника при выборе наклонения глагола – И. Токмакова, придерживаясь текста оригинала, сохраняет повелительное наклонение глагола, в то время как В. Резник смягчает КН, заложенное в оригинальное высказывание, и выбирает условное наклонение (используется формообразующая частица *бы*).

В оригинальном тексте Кеннет Грэм использует устойчивое выражение английского языка *to bear a hand*, которое переводчики интерпретируют с

помощью ЛЕ русского языка, обладающей схожим лексическим значением – *помогать*, – сохраняя КН говорящего, но лишая высказывание образности.

2. 1. 3. Совет

В рамках проведённого исследования был обнаружен 31 пример высказываний, выражающих совет. Как показал количественный анализ высказываний-волеизъявлений, РА совета как пример волеизъявления не является характерным для детской литературы – количество высказываний-советов составляет 12% от общего числа собранных языковых примеров.

Совет могут давать друг другу герои, находящиеся в разных взаимоотношениях, но чаще всего адресантом выступает старший герой или по сюжету более мудрый герой: совет даёт тот, кто чувствует, что имеет на это право. В ходе исследования также были обнаружены дружеские советы, которые представляют особый интерес для лингвокультурологического анализа, поскольку в таком случае совет даётся человеку, равному по статусу – носители английского языка нередко дают совет косвенно, в форме предположения, в то время как носители русского языка, будучи уверенным в своей правоте, дают чёткие директивы (Ларина 2013: 23):

14	If I were you, I would start your elevenness before the cocoa gets cold. You must be in need of it. (B1, с. 28)	Перевод А. Глебовской
		Я бы на вашем месте поскорее принялся за «послезавтрак», пока какао не остыло. Вам необходимо подкрепиться. (B1, с. 24)

Данный пример ярко иллюстрирует вышеописанную особенность КП носителей двух языков. Очевидно, что устойчивая грамматическая конструкция *If I were you* английского языка переведена на русский язык с помощью аналогичной конструкции *Я бы на вашем месте*, что полностью соответствует тексту оригинала. В оригинальном и переводном высказываниях для смягчения дидактичности директива говорящий избегает прямого выражения волеизъявления и использует с этой целью: а) условное наклонение, б) местоимения *I/я* в качестве подлежащего, благодаря которому смещается акцент и удаётся избежать категоричности. Смягчению КН говорящего также способствует модальность второго предложения текста

оригинала *You must be in need of it* – адресант предполагает, но не настаивает на том, что его совет – единственно верное решение. Однако переводное высказывание отличается большей назидательностью: КН усиливается благодаря конструкции *Вам необходимо*.

Использование условного наклонения – распространённый способ дать совет в обеих анализируемых лингвокультурах, однако не всегда переводчики строго следуют тексту оригинала – нередко меняется грамматика:

15	...perhaps it might be wiser for you to return in the hamper. (P3, с. 38)	Перевод М. Гребнева	Перевод И. Токмаковой
		Вот что... залезай-ка ты в корзину и возвращайся домой. (П7, с. 14)	Может , ты поступил бы мудро, если бы вернулся домой в плетёной корзине. (П2, с. 252)

Данный пример наглядно иллюстрирует, что при интерпретации одного высказывания могут быть использованы разные переводческие стратегии. Так, И. Токмакова делает выбор в пользу условного наклонения – это позволяет ей сохранить ИС оригинального высказывания, сделать совет вежливым и тактичным. Для сохранения ИС исходного высказывания автор перевода добавляет частицу *-ка*.

В переводе М. Гребнева высказывание отличается конкретностью и прямотой. Так, переводчик строит совет на основе простого предложения, осложнённого однородными сказуемыми. Выбирая такую структуру предложения, делая его побудительным и используя императив глагола – с помощью частицы *-ка* и формообразующего суффикса *-й*, – М. Гребнев усиливает КН данного высказывания, что звучит естественно и гармонично для русской лингвокультуры. Кроме того, в этом переводе используется приём добавление – М. Гребнев вводит ЛЕ *залезай*, что также служит усилению КН.

Вышеупомянутые примеры высказываний-советов содержат модальные глаголы – *must* в примере №14 и *might* в примере №15. Очевидно, что в английской лингвокультуре довольно распространено включение модальности в высказывания-советы, однако в переводе на русский язык модальность может не быть сохранена:

16	You can buy a new basket on wheels in the market for £10 (B1, с. 10)	Перевод А. Глебовской
		Тебе проще купить тут на рынке новую тележку за десять фунтов (B1, с. 8)

Совет в русском языке может быть дан с использованием наречий в сравнительной степени, которые будут указывать на преимущества, которые получит адресат, если будет следовать данному совету. Безусловно, высказывание могло бы иметь буквальный перевод *You can buy – Ты можешь купить*, однако переводчик, ориентируясь на лингвокультурологические особенности ЯП, переводит с помощью конструкции *Тебе проще*, то есть эксплицитно выражает уверенность говорящего в том, что его совет следует исполнить. Это обосновывается тем, что в данном случае имплицитная форма совета, которая привычна для англичан, носителем русского языка будет восприниматься не как совет, а как более категоричный директив.

Использование наречий в сравнительной степени – *проще, быстрее, лучше* и другие – для эксплицитного выражения преимуществ, которые последуют за исполнение совета говорящего, довольно характерно для носителей русского языка, и ввиду этого приём добавления довольно часто используется переводчиками для создания адекватного перевода:

17	I think perhaps you should try starting with something a little slower (B1, с. 58)	Перевод А. Глебовской Лучше попробуйте для начала сыграть вещь помедленнее (B1, с. 50)
----	---	--

В данном случае, очевидно, переводчик отходит от текста оригинала, опускает конструкцию *I think perhaps you should* – смысл, заложенный в ней, имплицитно прочитывается в тексте перевода, – и добавляет наречие в сравнительной степени *лучше*, которое подчёркивает справедливость совета. То есть в высказывании на ЯО адресант с первых слов делает акцент на субъективности собственного мнения: действия, о которых он говорит, желательны исключительно по его субъективному мнению (*I think*); чувствуя, что он не в праве указывать, говорящий использует вводное слово *perhaps*, смягчая ИС высказывания. В данном случае проявляется одна из доминантных стратегий английской вежливости – дистанцирование (см. п. 1. 3. 2.). ИС высказывания на ЯП значительно выше: наречие *лучше* и глагол в повелительном наклонении *попробуйте* создают ощущение, что собеседник

уверен в своей правоте и считает следование его указаниям единственно верным решением.

Наречия в сравнительной степени встречаются и в советах на английском языке.

18	Better go ahead and dance your jig round that if you've got to (Г1, с. 61)	Перевод И. Токмаковой	Перевод В. Резника
		Лучше давай быстренько спляши джигу вокруг него, если тебе так уж хочется (Г1, с. 108)	Лучше станцуйте-ка джигу вокруг этой тряпки (Г2, с. 62)

В переводе как И. Токмакова, так и В. Резник сохраняют структуру оригинального высказывания: в переводе звучит побудительное предложение с наречием в сравнительной степени *лучше*. Таким образом, эта лингвокультурологическая особенность – добавление наречия, указывающего, почему совет является важным для исполнения со стороны адресата, – характерна как для английского, так и для русского языков.

Примечательно, что переводчики по-разному интерпретируют отношения между коммуникантами: в переводе И. Токмаковой они общаются на *ты*, в переводе В. Резника – на *вы*: об этом свидетельствуют формообразующие суффиксы глаголов повелительного наклонения *-й* и *-и* у И. Токмаковой (*давай, пляши*); *-й + -те + -ка* у В. Резника (*станцуйте-ка*). Таким образом, В. Резник смягчает КН говорящего.

Также примечательно, что В. Резник использует приём опущения: в его переводе не звучит *if you've got to*. Это объясняется тем, что данная единица перевода не является необходимой для реализации КН говорящего. Однако И. Токмакова сохраняет её и при переводе вводит усилительную частицу *уж* (см. п. 1. 1. 2.), усиливая КН говорящего.

Продолжая рассматривать лексические трансформации, используемые при переводе совета, стоит также обратить внимание на замены:

19	Now, look here , Toad! <...> as soon as we get to town, you'll have to go straight to the police-station, and see if they know anything about the motor-car who it belongs to, and lodge a complaint against it.	Перевод И. Токмаковой	Перевод В. Резника
		Послушай-ка , Тоуд <...> как только доберёмся до города, ты должен сразу же отправиться в полицейский участок, узнать , что им известно про этот автомобиль и кто его	А теперь я обращаюсь к вам , Жабб <...> Как только мы доберёмся до города, вы отправитесь в полицию и выясните , что там известно об автомобиле и его

	And then you'll have to go to a blacksmith's or a wheelwright's and arrange for the cart to be fetched and mended and put to rights" (Г1, с. 29)	хозяин, и подать на него жалобу. А потом тебе надо найти кузнеца или колесника и позаботиться, чтобы повозку доставили в город и привели в порядок (Г1, с. 54)	владельце. Далее: написав жалобу, вы пойдёте в кузницу или каретную мастерскую и договоритесь о доставке фургона и его ремонта (Г2, с. 31)
--	---	---	---

Look here в переводе И. Токмаковой звучит как *Послушай-ка*, и это наглядно демонстрирует разность двух лингвокультур. Данные языковые выражения являются отимперативными прагматическими маркерами (см. п. 1. 1. 2). И. Токмакова переводит данный прагматический маркер *look here* с помощью ЛЕ *послушай-ка*, хотя личные формы глаголов *смотреть* и *слушать*, а также образованных от них являются функциональными эквивалентами (Блюднева 2020: 95). Такой перевод наглядно отражает эмпирическое восприятие мира: при обращении к собеседнику носитель английского языка склонен апеллировать к зрительной способности собеседника, а носитель русского языка – к слуховой.

Приведённое выше высказывание по-разному интерпретируется переводчиками и на уровне грамматики: если В. Резник сохраняет ИС, то И. Токмакова уменьшает её, используя формообразующую частицу *-ка*.

В тексте на ЯО совет даётся с помощью модального глагола – *have to*, – в то время как в русском языке то же КН может выражаться двумя способами: с помощью модальности, как в переводе И. Токмаковой – *должен отправиться, надо найти*, – или с помощью глаголов в форме будущего времени, как в переводе В. Резника – *отправитесь, выясните*. Таким образом, для передачи одного КН переводчики используют разные грамматические структуры языка, при этом КН не меняется и ИС высказывания остаётся прежней.

Также были отмечены случаи, когда волеизъявление-совет в переводе приобретает такую ИС, что становится волеизъявлением-указанием:

20	Why don't you put your paws up for a while? (B1, с. 50)	Перевод А. Глебовской Дай-ка ты своим лапам передышку (Б1, с. 44)
----	--	---

Высказывание в оригинальном тексте автора является советом говорящего в адрес своего собеседника. Это чётко прослеживается ввиду того, что автор стремится уменьшить ИС высказывания и таким образом снизить

степень категоричности – говорящий не чувствует, что имеет право давать указание своему собеседнику, и, используя отрицательную конструкцию *Why don't you...*, как бы предлагает сделать то, что считает наиболее подходящим в данной ситуации, в то время как в тексте перевода адресант выражает свой совет с помощью глагола в побудительном наклонении, образованном с помощью формообразующего суффикса *-ка*.

2. 2. Эмоциональные речевые воздействия

Л. Л. Фёдорова, классифицируя высказывания по типу их речевого воздействия на адресата, выделяет группу оценочных и эмоциональных речевых воздействий, отмечая, что они направлены на чувства собеседника и отличаются особой экспрессивностью (Фёдорова 1991: 50).

2. 2. 1. Угрозы

В ходе данного исследования было собрано 18 примеров высказываний-угроз, что составляет 7% от общего числа проанализированных РА.

Современная лингвистика не даёт точных критериев для выделения РА угрозы и именно прагмалингвистический подход – наиболее продуктивный в определении данного понятия, поскольку он позволяет учитывать экстралингвистические факты. Так, угрозы – это высказывания, оказывающие эмоциональное речевое воздействие на адресата и выражающие обещание совершить действие, которое нанесёт ущерб адресату (Жучков 2009: 70-71), при этом агрессия является характерной чертой РА угрозы (Дубенец 2020: 80).

В ходе исследования были обнаружены угрозы, имеющие черты инвектив. Как при реализации угрозы, так и при реализации инвективы говорящий экспрессивно выражает мысли и чувства, напрямую касающиеся адресата; кроме того, важное условие для реализации инвективы, как вида экспрессива, – заинтересованность говорящего в содержании самого высказывания, а как известно, угроза без выполнения данного условия дефектна (Трофимова 2008: 13-14). Несмотря на большую ИС инвективы,

инвективная семантика в подобных высказываниях не превалирует, но дополняет другие смысловые компоненты, способствует более эффективному достижению КН: оскорбление воздействует психологически и регулирует дальнейшее взаимоотношение собеседников (Трофимова 2008: 226-227). В ходе анализа не удалось обнаружить инвективные РА.

Примеры РА, содержащих черты инвектив и угроз, обнаружены в сказке для детей более старшего возраста (см. пример №24). Это объясняется тем, что с дидактической точки зрения оскорбления неуместно вводить в тексты сказок для детей младшего возраста. В целом, 50% угроз было обнаружено в сказках для детей 11-12 лет, в то время как в сказках для детей 5-6 лет таких высказываний вовсе не зафиксировано.

Рассмотрим, как реализуется угроза на английском языке и в переводе текста на русский язык.

Поскольку использование угроз предполагает, что говорящий чувствует авторитет воздействовать на адресата, нередко используется эмфазы, чтобы передать КН и подчеркнуть степень уверенности в содержании высказывания, причём эта тенденция прослеживается в обеих лингвокультурах:

21	You do realize <...> that I could throw the book at you. (B1, с. 21)	Перевод А. Глебовской Вы хоть понимаете, что мне придётся бросить вам в лицо обвинение? (B1, с. 19)
----	--	--

Так, в приведённом выше примере говорящий использует эмфатический глагол *do*, который способствует увеличению ИС высказывания. В связи с тем, что в русском языке подобная грамматическая категория отсутствует, переводчик передаёт КН говорящего с помощью переводческого приёма добавление – А. Глебовская вводит усилительную частицу *хоть* (см. п. 1. 1. 2.), сохраняя ИС оригинального высказывания. Этому также способствует изменение типа предложения по цели высказывания с утвердительного на вопросительное – говорящий взывает адресанта к разумности и подчёркивает, что высказывание звучит в его интересах, он не настаивает на своей правоте, но ведёт диалог с собеседником.

Кроме того, в данном примере прослеживается неагентивность как особенность русской лингвокультуры (Wierzbicka 1992: 395) и активность субъекта как особенность английской лингвокультуры (Ларина 2009: 60-61). Таким образом, преобразование личного предложения *I could throw...* в безличное предложение *мне придётся...* обосновывается тем, что у русского человека позиция менее активна, чем у англичанина (Ларина 2009: 61).

Добавление ЛЕ и грамматическое преобразование высказывания помогают переводчику передать КН говорящего. Однако нередко добавление меняет ИС высказывания-угрозы, в большинстве случаев – усиливает:

22	I'll give you tricks, bear (B1, с. 92)	Перевод А. Глебовской
		Вот я тебе покажу шутки, медведь! (B1, с. 83)

На грамматическом уровне высказывания на ЯО и ЯП эквивалентны – следуя за текстом оригинала, переводчик строит предложение с использованием формы изъявительного наклонения будущего времени. Однако ИС высказывания на ЯП выше за счёт добавления указательной частицы *вот* (см. п. 1. 1. 2.) – она нередко используется носителями русского языка при оформлении угрозы для придания ей большей ИС.

Грамматические трансформации наблюдаются при переводе высказываний английского языка, содержащих модальные глаголы, так как данная грамматическая реалья в русском языке отсутствует:

23	Now, the very next time this happens <...> I shall be exceedingly angry (Г1, с. 41)	Перевод И. Токмаковой	Перевод В. Резника
		Так, если это повторится ещё раз, <...> я ужасно рассержусь (Г1, с. 79)	Так вот: как только подобное повторится <...> я озверею! (Г2, с. 47)

В тексте на ЯО говорящий использует модальный глагол *shall*, который в английской лингвокультуре служит для выражения намерения. В русском языке отсутствуют грамматические аналоги, в связи с чем как И. Токмакова, так и В. Резник ставят смысловой глагол в форму изъявительного наклонения будущего времени, что соответствует коммуникативной ситуации и является естественным для русского КП.

Данное высказывание и его переводы интересны также с лексической точки зрения. Для усиления ИС высказывания автор текста оригинала вводит

наречие *exceedingly*, и при работе с данной ЛЕ в сочетании с прилагательным *angry* переводчики выбирают разные стратегии: И. Токмакова использует частеречную трансформацию – она переводит прилагательное с помощью глагола с той же семантической нагрузкой (*angry – рассержусь*), а наречие *exceedingly* – с помощью аналогичного наречия русского языка *ужасно*, которое в русской лингвокультуре используется для усиления ИС высказывания, то есть служит той же коммуникативной цели, что и наречие *exceedingly* в английском языке. В. Резник также использует частеречную трансформацию, однако вместе с тем он прибегает к компрессии – словосочетание *exceedingly angry* переводится с помощью глагола *озвереть*, семантика которого отражает то, что хотел передать говорящий.

Как отмечалось ранее, некоторые высказывания совмещают черты РА угрозы и инвективы:

24	You villains! <...> You scoundrels, you highwaymen, you – you – roadhogs! – I'll have the law on you! I'll report you! I'll take you through all the Courts!" (Г1, с. 27)	Перевод И. Токмаковой Эй, вы, негодяи! <...> Вы – мерзавцы! Разбойники с большой дороги! Вы – дорожные... свиньи! Я подам на вас в суд! Я вас по судам затаскаю! (Г1, с. 50)	Перевод В. Резника Негодяи! <...> Подлецы! Бандиты с большой дороги! Вы правила нарушаете! Я найду на вас управу! Я на вас донесу! Я в суд подам! (Г2, с. 28)
----	--	--	---

Следуя особенностям русской лингвокультуры, при интерпретации такого высказывания переводчики прибегают к значительным грамматическим трансформациям, разделяя сложносочинённое предложение английского языка на короткие назывные предложения – членение предложения при переводе на русский язык в данном случае свидетельствует о высокой эмоциональности высказывания и обосновывается тем, что для эмоциональной речи носителей русского языка характерна прерывистость. Далее, все предложение, составляющие данное высказывание, завершаются восклицательным знаком, что свидетельствует о его высокой ИС и подтверждает, что для эмоциональных высказываний характерно использование восклицаний (Фёдорова 1991: 50) (см. п. 1. 3. 2.).

С лексической точки зрения, интересен ряд существительных *villain – scoundrel – highwayman – roadhog*. Они относятся к семантическому полю

оскорблений, и переводчики обращаются к ЛЕ, которые подпадают под это семантическое поле в русском языке, – этим обосновывается разность лексем, используемых в двух переводах: *негодяи – мерзавцы – разбойники – дорожные свиньи* в тексте И. Токмаковой и *негодяи – подлецы – бандиты* в тексте В. Резника. Ввиду того, что названные ЛЕ имеют отрицательную коннотацию, высказывание имеет оценочный характер, что учитывается при переводе.

Вторая часть высказывания содержит черты угрозы. В данном случае переводческие трансформации минимальны, однако переводчикам удаётся сделать текст естественным для русской лингвокультуры – это свидетельствует о том, что прямой перевод высказывания способен передать КН говорящего без потери смысла, а значит, исследуемые лингвокультуры имеют схожие черты.

2. 2. 2. Жалобы

Высказывания-жалобы не являются характерными для детской литературы, как и для английской лингвокультуры в целом (см. п. 1. 3. 2.), – в ходе исследования было зафиксировано 15 примеров жалоб, что составляет 6% от общего числа анализируемых высказываний. Их перевод представляет особую сложность с точки зрения прагматики, поскольку традиционно в русском языке такая негативная эмоция выражается более ярко в сравнении с английским языком – это можно объяснить тем, что носители английского языка более сдержаны в проявлении чувств и эмоций, а для русского КП характерно эксплицитное выражение эмоций. Таким образом, при переводе английской литературной сказки на русский язык задачей переводчика становится усиление КН, заложенного в жалобу.

Так, например, для усиления КН переводчик может изменить структуру предложения, переведя косвенную речь в прямую.

25	Peter did not eat anything; he said he should like to go home (P2, с. 46)	М. Гребнев	В. Полищук
		Но Питер Пуш есть не стал. – Мне ничего не хочется, – грустно сказал он. – Хочется только домой (П7, с. 28)	Бедняге Питеру ни листочка в горло не лезло от волнения. – Я хочу домой . Пойдём домой , – заныл он (П4, с. 19)

Интерпретируя высказывание, приведённое выше, переводчики стремятся усилить КН, подчёркивая страдание персонажа. М. Гребнев и В. Полищук переводят косвенную речь в прямую речь, усиливая эффект, который производит высказывание на читателя.

Для усиления ИС высказывания М. Гребнев также вводит усилительную частицу *только* (см. п. 1. 1. 2.), что характерно для русской лингвокультуры.

Кроме того, усилить ИС высказывания помогают повторы – использование данного приёма наблюдается в переводе В. Полищук: переводчик повторяет лексему *домой*, тем самым акцентируя внимание читателя на том, почему он жалуется, чего ему не хватает.

Стилистический приём повтора может также использоваться для передачи чувств говорящего, подчёркивая его неспособность чётко выразить мысли ввиду высокого эмоционального напряжения:

26	I know it's a – shabby, dingy little place <...> but it was my own little home – and I was fond of it – and I went away and forgot all about it – and then I smelt it suddenly – on the road, when I called and you wouldn't listen, Rat – and everything came back to me with a rush – and I WANTED it! – O dear, O dear! – and when you wouldn't turn back, Ratty – and I had to leave it, <...> O dear, O dear! (Г1, с. 56-57)	Перевод И. Токмаковой Я знаю... это... это маленький темный домишко, <...> но он был моим домом... и я его любил... а потом ушел и забросил его... и вдруг я почувствовал его... там, на дороге... я тебя звал, а ты даже и слушать не хотел... и мне вдруг сразу все вспомнилось... и мне нужно было с ним повидаться, о господи, господи, а ты даже не обернулся, Рэтти, и мне пришлось уйти <...> О господи, господи! (Г1, с. 109)	Перевод В. Резника — Я знаю; он жалок, и мал, и — убог, <...> но это был мой домик... и он мне нравился... а я ушел и позабыл... а потом вдруг понюхал... тогда еще я позвал вас, но вы не слушали... а я все вспомнил... так захотел повидать его!.. Мой милый, милый домик!.. Но вы так и не обернулись... Я должен был уйти <...> он был совсем рядом... рядышком... (Г2, с. 69-70)
----	---	---	--

Так, например, в приведённом примере на ЯО повторяется риторические восклицания *O dear!*; в переводе И. Токмаковой – указательное местоимение *это* и риторическое восклицание *O господи!*; в переводе В. Резника повторяются прилагательные *милый*, а также используются два однокоренных предлога *рядом-рядышком*. Таким образом, переводчики применяют художественный приём, который использует автор текста оригинала, однако это происходит в отношении разных ЛЕ.

Также в тексте на ЯО был зафиксирован повтор соединительного союза *and*, однако данный повтор не является стилистическим приёмом, он служит другому стилистическому приёму – синтаксическому параллелизму: союз *and* вводит новые предложения, входящие в состав сложносочинённого предложения, и таким образом ИС высказывания увеличивается. В высказываниях на ЯП синтаксический параллелизм не прослеживается.

Примечательной является переводческая единица *O dear!*, увеличивающая ИС высказывания и характерная для эмоциональных речевых воздействий, в частности, для жалобы. Носители английской и русской лингвокультур в состоянии высокого эмоционального напряжения обращаются к высшим силам, уповая на их сочувствие, снисхождение.

В данном примере также прослеживается, что неагентивность русской лингвокультуры и активность говорящего, характерная для английской лингвокультуры (см. пример №21), проявляются и при выражении жалобы. Однако изменение субъектно-объектной соотнесённости при переводе подобных высказываний (*I had to leave it*) не является обязательным для достижения адекватности перевода, что наглядно подтверждается разными стратегиями двух переводчиков при интерпретации одного высказывания: *Мне пришлось уйти* (И. Токмакова) – *Я должен был уйти* (В. Резник).

Кроме того, для усиления ИС высказывания на ЯП И. Токмакова вводит усилительную частицу *даже* (см. п. 1. 1. 2.).

Очевидно, что использование стилистических приёмов при выражении жалоб частотно – кроме рассмотренных стилистических повторов используются риторические конструкции.

27	I have not the patience to sit on a nest for twenty-eight days; and no more have you, Jemima. You would let them go cold; you know you would! (P1, с. 312)	М. Гребнев Никакого терпения не хватает просидеть на одном месте двадцать восемь дней кряду ни у меня, ни у тебя, Клара. Отойдёшь на минутку – яйца уже остыли! Сама знаешь, как это бывает! (П1, с. 23)	В. Полищук Целый месяц сидеть на яйцах? Слыханное ли дело! – возмущалась Ребекка. – У меня терпения не хватит! И у тебя тоже! Отвлечёшься – они и остынут, и не видать тебе утят! (П5, с. 6-7)
----	---	---	--

Переводя приведённое выше высказывание, В. Полищук вводит риторические вопросы и восклицания, которые меняют ИС высказывания, подчёркивая гнев говорящего – то есть выделяя эмотивный компонент, заложенный в жалобу. Вводя риторические вопросы и восклицания, переводчик не только усиливает КН, но и графически подчёркивает эмотивность данного высказывания, выделяя его на фоне всего повествования.

Кроме того, усилению КН в переводе В. Полищук способствует членение сложносочинённого предложения на простые предложения: *У меня терпения не хватит! И у тебя тоже!*. Таким образом, данная реплика приобретает особый ритм, и у читателя появляется ощущение, что гнев, одолеваемый говорящим и заложенный в данную жалобу, не позволяет ему выражать свои чувства сложными, неудобопроизносимыми предложениями.

М. Гребнев также усиливает КН высказывания, однако он использует другие переводческие трансформации. Например, он проводит грамматическую замену: превращает определённо-личное предложение *I have not the patience to sit ...* в обобщённо-личное: *Никакого терпения не хватит просидеть...* – происходит субъектно-объектная трансформация, которая позволяет усилить эффект, оказываемый на читателя, – предложение звучит как прописная истина, а сама жалоба приобретает всеобщее значение. Данная грамматическая трансформация отвечает лингвокультурологическим особенностям русского и английского языков (см. пример №21).

Данное высказывание – как на ЯО, так и на ЯП – интересно и на лексическом уровне. Для усиления КН переводчики вновь используют разные переводческие трансформации и с точки зрения лексики. Если В. Полищук меняет ИС высказывания, вводя клишированную фразу *и не видеть тебе утят!*, то М. Гребнев использует наречие *кряду*, которое, с одной стороны, подчёркивает длительность данного действия и степень недовольства говорящего по поводу описываемых событий, а с другой стороны, привлекает внимание читателя на фонетическом уровне, поскольку сочетание звуков *кря-* – это определённый звукообраз или звукоподражание; имитация утино

кряканья, а героиня, которой принадлежит данная реплика, – это утка, поэтому выбор ЛЕ *кряду* не случаен.

При переводе жалоб могут вводиться междометия – они позволяют усилить КН, обеспечив соответствие высказывания русской лингвокультуре, способствуют воздействию на чувства читателя, а на фонетическом уровне отражают эмоции, которые проживает говорящий.

28	I've lost my pocket-handkin! Three handkins and a pinny! Have you seen them, Tabby Kitten? (P2, с. 62)	М. Гребнев Где мой любимый платочек? – хныкала она. – Куда подевались три платка и передник? Терри, киска, ты не видела моих платков и передника? (П6, с. 33)	И. Токмакова Ой-ой-ой! Я опять потеряла свои носовые платочки! Целых три платочка и передничек! Не видел ли ты их, Полосатик? (П2, с. 83)
----	--	--	---

При переводе приведённого высказывания И. Токмакова усиливает КН говорящего, вводя в текст междометие *Ой-ой-ой!*, отражающее страдание говорящего, заложенное в данную жалобу. Переводчик также использует наречие *опять*, подчёркивая периодичность описываемого действия, увеличивая силу тревоги по поводу случившегося. И. Токмакова также вводит прилагательное *целый*, подчёркивая, как значимо определяемое слово для говорящего (героиня потеряла «три платочка», и этот эпизод – завязка сказки).

В переводе М. Гребнева наблюдается переводческая трансформация в авторской речи – переводчик добавляет ЛЕ «хныкала», отличающуюся эмотивным компонентом, эксплицитно выражая, какие эмоции выражает говорящий. Из этого следует, что для передачи КН переводчики могут проводить трансформации не только при интерпретации прямой речи, но и в речи автора, которая будет описывать экстралингвистические факторы, помогающие адресанту добиться своей коммуникативной цели.

Примечательными являются жалобы, входящие в состав монологов героев литературных сказок – в таком случае КН состоит не столько в том, чтобы разжалобить адресата, сколько в том, чтобы выразить свои чувства – смещаются акценты, прагматический фокус. В нижеприведённом примере герой жалуется на судьбу, не имея конкретного адресата:

29		Перевод И. Токмаковой	Перевод В. Резника
----	--	-----------------------	--------------------

<p>This is the end of everything <...> Stupid animal that I was <...> O wise old Badger! <...> O clever, intelligent Rat and sensible Mole! What sound judgments, what a knowledge of men and matters you possess! O unhappy and forsaken Toad! (Г1, с. 86)</p>	<p>Все, всему конец, <...> Дурак я, дурак, <...> О мудрый старина Барсук! О мудрый и дельный дядюшка Рэт! О благоразумный Крот! Какими основательными суждениями, каким великолепным пониманием людей и обстоятельств вы обладаете! Бедный, покинутый Тоуд! (Г1, с. 167-168)</p>	<p>Все кончено, <...> я был таким неумным животным, <...> О, старый мудрый Барсук! <...> О, благородный, утонченный Крыс и вы, рассудительный Крот! Каким знанием жизни владеете вы, как здраво судите! Как хорошо знаете и любите ближнего своего!.. А я — несчастный, всеми брошенный Жабби! (Г2, с. 115-116)</p>
---	--	--

Говорящий обвиняет самого себя, причитая на происходящее, и при переводе такого речевого воздействия необходимо учитывать, что у говорящего нет конкретного адресата, его цель – выразить своё страдание.

При работе с данным высказыванием переводчики ставят перед собой разные задачи – И. Токмакова усиливает, а В. Резника смягчает КН, – при этом ни одна из переводческих стратегий не противоречит лингвокультуре русского языка, лишь меняется степень эмоционального воздействия.

Приведённое высказывание насыщено риторическими обращениями, сопровождаемыми эпитетами – данные стилистические приёмы способствуют усилению ИС оригинального высказывания-жалобы. Как И. Токмакова, так и В. Резник сохраняют данные художественные приёмы: *O wise old Badger!* – *O мудрый старина Барсук!* (перевод И. Токмаковой) – *O, старый мудрый Барсук!* (перевод В. Резника); *O clever, intelligent Rat and sensible Mole!* – *O мудрый и дельный дядюшка Рэт! О благоразумный Крот!* (перевод И. Токмаковой) – *O, благородный, утонченный Крыс и вы, рассудительный Крот!* (перевод В. Резника). При переводе второго упомянутого структурного компонента высказывания И. Токмакова использует грамматическую трансформацию – членение предложения, – усиливая ИС высказывания.

Данное высказывание примечательно тем, что говорящий и винит, и жалеет себя за происходящее.

С одной стороны, виня себя, он использует прилагательное *stupid*. И. Токмакова при переводе данной ЛЕ использует частеречную замену и вводит

существительное *дурак*; данная ЛЕ повторяется в переводном высказывании (стилистический приём повтора) – ИС усиливается. В. Резник, напротив, смягчает КН и переводит ЛЕ *stupid* с помощью прилагательного *неумный*, не обладающей такой отрицательной коннотацией, как ЛЕ, используемая в высказывании на ЯО.

С другой стороны, говорящий жалеет себя и с целью показать это, в автор оригинального высказывания вводит прилагательные *unhappy* и *forsaken*, которые переводчики интерпретируют с использованием эквивалентных ЛЕ русского языка: *бедный* и *покинутый* в переводе И. Токмаковой и *несчастный* и *брошенный* в переводе В. Резника. При переводе данной части высказывания ИС высказывания сохраняется.

Выводы

1. Анализ РА на ЯО и ЯП показал, что различие двух лингвокультур в большей степени проявляется при выражении волеизъявлений (указаний – 42%, просьб – 33%, советов – 12%) и при оказании эмоционального речевого воздействия (угроз – 7%, жалоб – 6%) (см. Приложение 2).

2. Количественное соотношение волеизъявлений к эмоциональным РА (87% к 13%) обосновывается тем, что именно при переводе волеизъявлений наблюдается разность двух лингвокультур, в то время как реализация эмоциональных речевых воздействий в обеих лингвокультурах допускает сравнительно высокую ИС высказывания, а значит, высказывания не подвергаются значительным трансформациям.

Однако анализ реализации эмоциональных речевых воздействия важен, поскольку нужно определить, в каких случаях трансформации необходимы, а в каких – факультативны или даже нежелательны. Было установлено, что на это влияют отношения между говорящими, а также потенциальный реципиент литературного произведения (анализируется литература для детей дошкольного и младшего школьного возраста).

3. В 48% случаев ИС высказывания сохраняется – при переводе слитных РА (в частности, экспрессивных фразеологических единиц), при переводе побудительных предложений, угроз. В 52% случаев, соответственно, ИС градуируется: в 35% случаев ИС увеличивается (при переводе указаний и жалоб, ИС которых в русской лингвокультуре выше, чем в английской лингвокультуре; при переводе речевых формул вежливости; при переводе просьб); в 17% случае ИС уменьшается – в случаях, когда прямой директив не приемлем для русской лингвокультуры (см. Приложение 3).

4. ИС высказывания у разных авторов перевода может различаться – один переводчик может градуировать ИС высказывания, другой – сохранять её.

5. Изменение ИС высказывания наиболее частотно в литературе для более младшего возраста, поскольку реципиенты более восприимчивы к эмоциональной речи. Так, 43% случаев увеличения ИС высказывания на ЯП

зафиксировано в текстах для детей 4-5 лет (по 21,5% – в сказках для детей 6-7 лет и в сказках для детей 8-9 лет; 14% – в сказках для детей 10-11 лет) (см. Приложение 4 и Приложение 5).

6. Для создания адекватного и эквивалентного перевода применяются переводческие трансформации: 56% приходится на грамматические трансформации (грамматические замены, членение предложения), 28% – на лексические (калькирование, лексические замены), и 16% составляют лексико-грамматические трансформации (антонимичный перевод, компенсация) (см. Приложение 6).

7. В 25% проанализированных переводов отмечается применение субъектно-объектной трансформации – это обосновывается тем, что русская лингвокультура характеризуется неагентивностью, а английская – активностью субъекта.

8. При переводе реплик персонажей используются приёмы добавления и опущения. Их соотношение неравномерно: 5 к 1 соответственно.

9. В 33% переводов вводятся частицы: 60% – формообразующие частицы (*-ка* – 37,5%, *бы* – 18,75%, *пусть* – 6,25%), которые, как показывает исследование, позволяют смягчить ИС высказывания; 40% – смысловые частицы (выделительно-ограничительные *только* – 12,5%; *же* – 6,25%, *хоть* – 6,25%, усилительная частица *даже* – 6,25% и указательная частица *вот* – 6,25%), которые увеличивают ИС высказывания (см. Приложение 7).

10. Обращения используются как в волеизъявлениях, так и в эмоциональных речевых воздействиях. Поскольку они способствуют реализации КН говорящего и установлению контакта между собеседниками, при их переводе учитываются экстралингвистические факторы, в том числе, отношения между коммуникантами – так, с помощью обращения можно дистанцироваться от адресата или, наоборот, установить с ним более тесный контакт. С этой целью обращения могут включаться в текст перевода, хотя в тексте оригинала они не используются. Также учитываются лингвокультуры ЯП и ЯО: например, для русской лингвокультуры характерно использование

терминов родства в адрес лиц, не связанных с говорящим семейными отношениями, в то время как английской лингвокультуре это чуждо.

11. При переводе отимперативных прагматических маркеров учитываются лингвокультурологические особенности двух языков. Например, при переводе английского отимперативного прагматического маркера *look* переводчики опираются на разность эмпирического восприятия мира носителей двух языков и используют ЛЕ *послушай*. Ввиду того, что данные языковые единицы позволяют говорящему с большей вероятностью реализовать своё КН, перевод высказывания, содержащего данную ЛЕ, не был бы адекватен без учёта лингвокультурологических особенностей.

12. При переводе просьб проводится работа над речевыми формулами вежливости, так как они позволяют говорящему приблизиться к адресату и установить с ним связь – речевые формулы на ЯП подбираются в соответствие с его прагматикой и лингвокультурой, в том числе, учитывается коммуникативный пессимизм как характерная черта двух лингвокультур: поскольку в русском КП он проявляется с большей силой, переводчики могут использовать лексические и грамматические трансформации.

13. При выражении советов в обоих языках используются наречия в сравнительной степени – говорящий эксплицирует, что высказывание звучит в интересах адресата. В таком случае, переводчик не проводит трансформаций и сохраняет ЛЕ, следуя тексту оригинала. Однако иногда при переводе советов переводчики добавляют наречия (например, *лучше* в конструкции *тебе лучше*), чтобы усилить воздействие на адресата – поскольку в русской лингвокультуре коммуникативное давление оказывается в большей степени.

14. Слитные РА содержат эмотивный компонент, воздействующий на чувства собеседника, и при работе с ними учитываются как лингвистические (высокая ИС, приемлемые для потенциального читателя – ребёнка – ЛЕ), так и экстралингвистические (отношения между говорящими) факторы.

Заключение

Междисциплинарный анализ РА, охватывающий прагматику высказываний, культуру носителя языка, его психологию, менталитет и мироощущение, позволяет проследить, как отражается ценностная картина человека – носителя конкретного языка – на его родном языке в целом и на его речи в частности: в процессе речевой деятельности проявляются культурные ориентиры и особенности мировосприятия, которые формируются в процессе жизни человека в определённом социуме и отражаются на его родном языке. Именно лингвокультурология рассматривает язык как форму самоощущения человека в мире и концентрацию национальных черт того или иного народа, она анализирует, как культура и менталитет общества-носителя данного языка влияет на поведение человека в конкретных коммуникативных ситуациях – понимание лингвокультуры носителей двух языков способствует облегчению установления диалога между ними.

При столкновении двух лингвокультур медиатором выступает переводчик – он, с учётом особенностей мировосприятия потенциального реципиента, создаёт текст, который эквивалентно передаёт смысл исходного текста и адекватно воспринимается носителем ЯП. Так, при переводе литературных сказок британских писателей анималистического жанра с английского языка на русский во внимание берутся особенности жанра, разность прагматики английского и русского языков, характерные черты лингвокультур их носителей и особенности мироощущения будущего юного читателя, связанные с его возрастом. При этом анализ британских сказок для детей разных возрастов в сопоставлении с переводами на русский язык показал, что недостаточно ориентироваться на то, что данное произведение рассчитано на ребёнка – важно определить возраст читателя более точно, разграничив более мелкие возрастные группы: так, к градуированию ИС высказывания переводчики чаще всего прибегают при переводе английских литературных сказок анималистического жанра для детей более младшего возраста – 4-5 лет. Несовпадение черт КП героев литературных сказок с

особенностями КП носителей языка, на котором говорит ребёнок, может вызвать у него непонимание и даже отторжение, поэтому при интерпретации текста важно обращать внимание на прагматическое и лингвокультурологические аспекты перевода. Таким образом, переводчик способствует сокращению культурной дистанции между автором текста сказки и читателем текста перевода.

Анализ РА показывает, что перевод реплик героев английских литературных сказок анималистического жанра, содержащих волеизъявления и эмоциональные речевые воздействия, требуют особого внимания со стороны переводчика: поскольку эмоциональные речевые воздействия направлены на чувства адресата, а волеизъявления предполагают, что адресат предпримет действия, описываемые говорящим, необходимо понимать, какое КП будет приемлемо для носителей английского и русского языков в той или иной ситуации – зачастую разность правил КП, принятых в английском и русском языковом мире, диктует необходимость проводить градуирование ИС высказываний или использовать переводческие трансформации и приёмы для адекватной передачи КН говорящего.

Результаты работы обладают практической значимостью: исследование особенностей переводов волеизъявлений и эмоциональных речевых воздействий с английского языка на русский позволило определить, какие переводческие стратегии являются наиболее удачными для передачи КН носителя одного языка с помощью средств другого языка.

В качестве перспективы исследования можно отметить рассмотрение особенностей реализации речевых воздействий, анализ которых не вошёл в данную работу. Кроме того, лингвокультурологические и прагматические особенности перевода рассматриваемых сказок могут быть изучены в контексте других языков – например, британская литературная сказка и её переводы на русский и французский языки, – в таком случае открывается возможность сравнить лингвокультуры носителей трёх и более языков.

Список использованной литературы

1. Абакумова О. В., Шурова М. Е. Экспериментальные исследования в Фонетическом центре Воронежского государственного университета. // Вопросы психолингвистики. – М.: Образовательное частное учреждение высшего образования «Московская международная академия», 2007. – С. 117-127.
2. Абдуллах, А. Б. Прагматический аспект перевода. // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 39. / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 28-31.
3. Авдеева Н. М. Лингвокультурологический аспект перевода юридического текста. // Журнал Science Time. – Казань: ИП Кузьмин Сергей Владимирович, 2016. – С. 14-17.
4. Авхачева И. А. Профессиональная компетентность и базовые переводческие компетенции. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. Вып. 4. – Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2010. – С. 92-103.
5. Аксаков К. С. О различии между сказками и песнями русскими. // Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова: Т. 1 / Под ред. И. С. Аксакова – Москва: типография П. Бахметева, 1861. – С. 399-408.
6. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1984. – 211 с.
7. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «АКАДЕМИА», 2004. – 352 с.
8. Алмаев Н. А. Интенциональные структуры естественного языка: экспериментальное исследование // Психологический журнал. 1998. – №5. – С. 71-80.

9. Аникушкина М. В. Викторианский период как золотой век английской литературной сказки. // Вопросы русской литературы. Выпуск 22 (79) – Симферополь: Крымский Архив, 2012. – С. 208-217.
10. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 2008. – 240 с.
11. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 168 с.
12. Блинова О. В. Позиционные свойства русских усеченных обращений и дискурсивных маркеров типа слушай. // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. Том XV, часть 3. Актуальные проблемы изучения русского глагола / Ред. М. Д. Воейкова, С. В. Краснощекова, Е. Г. Сосновцева – РАН, 2019. – С. 185-204.
13. Блюднева А. А. Дискурсивные маркеры в аудиовизуальном переводе с английского языка на русский (сопоставление субтитрования и дубляжа художественных фильмов): дисс... к. фил. н. – Москва: 2020. – 249 с.
14. Бочкарев А. Е. О чувствах и эмоциях в русской языковой картине мира. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Т. 9, вып. 1. – Пермь, 2017. – С. 5-14. [Электронный ресурс] URL: <http://press.psu.ru/index.php/philology/article/view/63> (дата обращения: 19.04.2022)
15. Будур Н. В. и др. Зарубежная детская литература: учеб. пособие для студентов сред. и высш. пед. учеб. заведений / Н. В. Будур, Э. И. Иванова, С. А. Николаева, Т. А. Чеснокова. М.: Изд. центр «Академия», 1998. – 304 с.
16. Вахтель Н. М. Модели чисто русских речевых актов. // Русское и финское коммуникативное поведение. Выпуск 1. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного технического университета, 2000. – С. 44-45.
17. Величкова Л. В., Абакумова О. В. Анализ восприятия детьми эмоционально окрашенной звучащей речи: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. – М.: Образовательное частное учреждение

высшего образования «Московская международная академия», 2007. – С. 62-67.

18. Виноградов В. В. Русский язык. Изд. 2-е. – М.: Высшая школа, 1972. – 601 с.

19. Виноградов В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 259 с.

20. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.

21. Волков К. В., Гурулева Т. Л. Лингвокультурологический аспект китайско-русского перевода. // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. Выпуск 5 (92) – Череповец: ЧГУ, 2019. – С. 56-65.

22. Волков Р. М. Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки – Одесса: Гос. Изд-во Украины, 1924. – 238 с.

23. Воробьев В. В. Лингвокультурология. — М.: РУДН, 2008. – 336 с.

24. Гак В. Г. Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. – С. 63-75

25. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Ч. II. Морфология, синтаксис / под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. – М.: Издательство Московского университета, 1964. – 638 с.

26. Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 4 — СПб, 2016. —С. 56-74.

27. Гарбовский Н. К. Теория перевода. – Москва: Издательство Московского университета, 2007. – 544 с.

28. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. – М.: Творческий центр Сфера, 2007. – 470 с.

29. Гончарова В. Г. Особенности анималистического жанра. // Просвещение и познание. – Иваново: Умы Современности, 2021. – С. 50-61.

30. Громова М. М. Самоцензура переводчика детской литературы (на примере «Волшебной книги полезных трав» Полонцы Ковач) // Филологические заметки. Том 19, №1 – Москва: МГУ, 2021. – С. 164-180.
31. Гурина Е. П. К вопросу о прагматике перевода // Гуманитарный вестник. – М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2015. – С. 1-13.
32. Гусаров Д. А. От прагматики высказывания к прагматике перевода. // Вестник военного университета. №4 (16). – М.: Научно-исследовательский центр «Наука-XXI», 2008. – С. 102-108.
33. Гусаров Д. А. Языковое выражение смысла в условиях лингвоэтнического барьера (прагматический аспект немецко-русских и англо-русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 18 с.
34. Даниэль М. А. Звательность как дискурсивная категория. Несколько гипотез. // Грамматические категории в дискурсе / Ред. В. Гусев, В. Плунгян, А. Урманчиева. – М.: Гнозис, 2008. – С. 439-466.
35. Демурова Н. М. Вместо послесловия. О месте английской детской литературы в общелитературном процессе Англии. // «Июльский полдень золотой...». – М.: Издательство УРАО, 2000. – С. 243-253
36. Доброницкая Т. В. Стилистико-синтаксические особенности английской детской литературной сказки: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 206 с.
37. Дубенец Н. Б. Реализация менасивного речевого акта в американском дипломатическом дискурсе (на примере высказываний Дональда Трампа в «Твиттере»). // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. Вып. 5 (83). – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. – С. 80-86.
38. Душков Б. А. Психология типов личности, народов и эпох. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 734 с.
39. Егоров Т. Г. Психология. – М.: Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1956. – 264 с.

40. Жучков Д. О. К вопросу об определении и классификационной принадлежности речевого акта угрозы. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: изд-во ВГУ, 2009. – С. 69-71.
41. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Издательство Московского Университета, 1976. – 307 с.
42. Ильичев Л. Ф. Философский энциклопедический словарь. / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
43. Кадибагомаева З. А., Юсупова П. Д. Лингвокультурологический аспект изучения языковых явлений. // Системные технологии. – Махачкала: Дагестанский Научно-исследовательский и технологический институт информатики, 2015. – С. 41-49.
44. Казымова Л. А. Язык и культура: к вопросу о специфике лингвокультурологии. // Филология и лингвистика. — Комсомольск-на-Амуре: Издательство Молодой Учёный, 2018. – С. 19-22.
45. Каменский М. В. Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров: дисс... д. фил. н. – Ставрополь, 2015. – 495 с.
46. Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов / Под ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – С. 7-21.
47. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
48. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: Р. Валент, 2011. – 408 с.
49. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
50. Куличенко Ю. Н. Национально-культурные особенности коммуникативного поведения. // Перевод и сопоставительная лингвистика.

Выпуск 11. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2015. – С. 90-92.

51. Ларина Т. В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. – М.: Языки славянских культур, 2013. – 360 с.

52. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.

53. Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв, вузов и фак. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 320 с.

54. Левитов Н. Д. Очерки педагогической психологии – Москва: Трудрезервиздат, 1946. – 156 с.

55. Левковская Н. А. Прагматическая установка текста и прагматическая установка адресата. / Сб. научных трудов МГЛУ. Выпуск 358–Москва: МГЛУ, 1990. – 60 с.

56. Лемяскина Н. А., Стернин И. А. Коммуникативное поведение младшего школьника. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2000. – 194 с.

57. Леонович Е. О. Прагматический аспект обращения: На материале английского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04. – Пятигорск, 1999. – 207 с.

58. Лепухова Н. И. Прагматические отношения и перевод. // Актуальные вопросы современной науки. – СПб: Научно-исследовательский центр «Открытие», 2014. – С. 222-231.

59. Ло Мэн. Прагматика русско-китайского перевода в свете теории релевантности. // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – М.: МГЛУ, 2020. – С. 45-58.

60. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.

61. Маслова В. А. Лингвокультурология. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
62. Мельникова В. С. Универсальные признаки концепта ‘жалость’ в научном дискурсе. // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 45. – Челябинск: ЧелГУ, 2010. – С. 75-78.
63. Минченков А. Г. Английские частицы: функции и перевод. – СПб.: Антология, 2004. – 96 с.
64. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.
65. Миньяр-Белоручев Р. У. Теория и методы перевода. – М.: Московский Лицей, 1996. – 208 с.
66. Мостепанов А. А. Анималистический жанр в английской литературной сказке XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 24 с.
67. Мысоченко И. Ю. Прагматика метаязыковой аспектности перевода. // Журнал «Образовательный процесс». Выпуск №1 – Казань: Вертикаль Знаний, 2017. – С. 11-14.
68. Наер В. Л. Прагматика текста и её составляющие // Прагматика и стилистика. Вып. 245. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1986. – С. 4-13.
69. Намычкина Е. В. Сказка как литературный жанр // Вестник Вятского Государственного Университета. Филология и искусствоведение. Научный журнал №3 (2). – Киров: Издательство ВятГГУ, 2010. – 212 с.
70. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
71. Никитина Н. Н. Вокативные и императивные высказывания в прагматическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 17 с.
72. Никифоренко Л. В. К вопросу об интенциональной направленности речевого акта жалоба. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. №27. – Пенза: ПГУ, 2012. – С. 347-351.

73. Никифоров А. И. Социально-экономический облик севернорусской сказки 1926-1928 годов. // Никифоров А. И. Сказка и сказочник / Сост., вступ. ст., Е. А. Котюхина – М.: ОГИ, 2008. – С. 226-244
74. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 172-198.
75. Овчинников В. В. Сакура и дуб // Роман-газета. Выпуск 4. – Москва: Издание Госкомиздата СССР, 1987. – 80 с.
76. Панченко Н. Н., Никодимова А. Д. Шантаж: речевой акт VS речевой жанр. // Жанр речи. №2. – Саратов: Издательство СГУ, 2018. – С. 112-118.
77. Перевышина И. Р. Переводим сказку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №5 (23): в 2-х ч. Ч. I. – Тамбов: Грамота, 2013. С. 120-122.
78. Пиотровская Л. А. Чувства VS Эмоции: категоризация эмоциональной сферы носителями русского и английского языков (результаты экспериментального исследования). // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. Выпуск 3. – Череповец: ЧГУ, 2021. – С. 133-142.
79. Померанцева Э. А. Судьбы русской сказки. – М.: Наука, 1965. – 220 с.
80. Поспелова А.Г. Речевые приоритеты в английском диалоге: Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. – СПб., 2001 – 73 с.
81. Почепцов Г. Г. Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических средств: сб. науч. тр. – Калининград: издательство Калининградского государственного университета, 1981. – С. 52-59.
82. Пропп В. Я. Русская сказка / Отв. редакторы К. В. Чистов, В. И. Еремина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 335 с.

83. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. – Москва: Издательство «Флинта», Издательство «Наука», 2006. – 238 с.
84. Реверчук, И.В. Психофизиология и патопсихология эмоций и чувств : уч. пособие. – Ижевск: ИГМА, 2016. – 36 с.
85. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. – М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.
86. Русская грамматика. Т. 1. – М.: Наука, 1982. – 784 с.
87. Русский язык: энциклопедия / Научно-редакторский совет издательства «Советская энциклопедия», Институт русского языка АН СССР; гл. ред. Ф. П. Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 431 с.
88. Рябова М. Ю. Функциональные особенности восклицательного знака в современном англоязычном дискурсе. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тома 13. Выпуск 2. – Тамбов: Грамота, 2020. – С. 183-186.
89. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов / Под ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170-195.
90. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов / Под ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986b. – С. 151-169.
91. Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989, С.279-282.
92. Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного технического университета, 2000. – С. 4-20.
93. Стернин И. А. Улыбка в русском коммуникативном поведении. // Русское и финское коммуникативное поведение. Выпуск 1. – Воронеж:

Издательство Воронежского государственного технического университета, 2000б. – С. 52-60.

94. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж: Издательство «Истоки», 2003. – 185 с.

95. Теплов Б. М. Психология / Учебник для средней школы. – М.: Учпедгиз, 1951. — 263 с.

96. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. – Москва: Слово, 2008. – 341 с.

97. Токпаева Л. С. К вопросу о речевых особенностях детской переводной литературы. // Мир науки, культуры, образования. №6 (73). – Горно-Алтайск, АлтГУ, 2018. – С. 564-566.

98. Токтарова Н. К. Место восклицательного предложения среди других коммуникативных типов предложения. // Системные технологии. – Махачкала: Дагестанский Научно-исследовательский и технологический институт информатики, 2015. – С. 82-88.

99. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. – СПб: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.

100. Турунен Н. Русский характер и коммуникативное поведение в восприятии финнов. // Русское и финское коммуникативное поведение. Выпуск 1. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного технического университета, 2000. – С. 24-36.

101. Фёдоров М. А. Термин «Лингвокультура» в аспекте теории культуры // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ: Издательства Бурятского государственного университета, 2014. – С. 83-86.

102. Фёдорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения. // Вопросы языкознания. Вып. 6. – 1991. – С. 46-50.

103. Фесенко Т. А. Ментальный лексикон: проблемы структуры и репрезентации. // Вопросы когнитивной лингвистики. №3 – Тамбов: ООО «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2005. – С. 53-58.
104. Фесенко Т. А. Специфика национального культурного пространства в зеркало перевода. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – 227 с.
105. Фомиченко Л. Г. Семиотика невербальных барьеров в межкультурной коммуникации. // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов: материалы Международной научной конференции. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2010. – С. 308-316.
106. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: лингвистический анализ речи. – М.: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
107. Ценностная картина мира англоязычного социума / под общ. ред. Е. Г. Хомяковой. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. – 204 с.
108. Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации – М.: Флинта, 2012. – 301 с.
109. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов. В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
110. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1941. – 620 с.
111. Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). – М.: Наука, 1988. – 216 с.
112. Шевнин А. Б. Жанрово-стилевая компетенция переводчика // Индустрия перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности предприятий: матер. II Международной научно-практической конференции – Пермь: Издательство Пермского государственного технического университета, 2008. – С. 124-133.

113. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
114. Шелингер Т. Н. Нетрадиционно выделяемые коммуникативные единицы современного английского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04. – Ленинград: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1986. – 16 с.
115. Шкирта Л. Ф. Краткая характеристика коммуникативного и социокультурного подходов к определению теории перевода. // Международный научный журнал «Инновационная наука». Том 2, номер 3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkaya-harakteristika-kommunikativnogo-i-sotsiokulturnogo-podhodov-k-opredeleniyu-teorii-perevoda/viewer> (дата обращения: 2.05.2022) – С. 89-91.
116. Brinton L. J. The Comment Clause in English: Syntactic Origins and Pragmatic Development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 298 p.
117. Brown P., Levinson S. D. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
118. Chaume F. Discourse Markers in Audiovisual Translating // Meta: Translator's Journal. Vol. 49 (4). – Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 2004. – P. 843-855.
119. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. – London: Hodder and Stoughton Ltd, 2005. – 432 p.
120. Harries E. W. Twice upon a Time Women Writers and the History of the Fairy tale. Princeton: Princeton University Press, 2001. – 232 p.
121. Hoad T. F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 552 p.
122. Honig E. The Poet's Other Voice: Conversations on Literary Translation. – Amherest: Unibersity of Massachusetts Press, 1985. – 218 p.
123. House J. Interlingual and Intercultural Communication: Discourse and Cognition in Translation and Second Language Acquisition Studies. Tübingen: G. Narr, 1986. – 185 p.

124. Lefevere, A. *Translating Literature: The German Tradition from Luther to Rosenzweig*. – Assen: Van Gorcum, 1977. – 116 p.
125. Neubert A. *Pragmatische Aspekte der Übersetzung. Grundlagen der Übersetzungswissenschaft // Beihefte zur Zeitschrift "Fremdsprachen"*. – Leipzig, 1968. – S. 21-33.
126. Nida E. A. *Toward a Science of Translating With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. – Leiden: Brill, 1964. – 331 p.
127. Nord Ch. *Translating as a purposeful activity: functionalist approaches explained*. – Manchester: St. Jerome Pub, 1997. – 160 p.
128. Pym A. *Natural and directional equivalence in theories of translation. // The metalanguage of translation / Eds. Y. Gambier, I. van Doorslaer*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2009. – P. 81-104
129. Rehbein J. *Komplexes Handeln: Elemente zur Handlungstheorie der Sprache*. – Stuttgart: Metzler, 1977. – 408 p.
130. Searle J. R., Vanderveken D. *Foundations of illocutionary logic*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 227 p.
131. Sperber D., Wilson D. *Meaning and relevance*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 378 p.
132. Swan M. *Practical English Usage*. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 688 p.
133. Tytler A. F. *Essay on the Principles of Translation*. / Ed. J. F. Huntsman. – Amsterdam: John Benjamins, 1978. – 523 p.
134. Venuti, L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. – London/New York: Routledge, 1995. – 353 p.
135. Wierzbicka A. *Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. – N. Y.; L.: Oxford University Press, 1992. – 487 p.
136. Zhu Yan. *Research on Relevance Theory and Stylistic Translation*. – Changsha: National Defense University Press, 2007.

Список словарей

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. / Под ред. М. Н. Кожинной. Редколлегия: Е. А. Беженова, М. П. Котюрова, А. П. Сквородников. – М.: Флинта; М.: Наука, 2011 – 696 с.

Список сокращений источников

1. B1 – Бонд М. Медвежонок Паддингтон здесь и сейчас: Рассказы / Пер. с англ. А. Глебовской – СПб: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. – 160 с.
2. B1 – Bond M. Paddington Here and Now. – London: Harper Colins Children's Books, 2014. – 175 p.
3. Г1 – Грэм К. Ветер в ивах = The Wind in the Willows: Повесть. – На англ. и русск. яз. / Пер. с англ. И. Токмаковой. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2004. – 352 с.
4. Г2 – Грэхем К. Ветер в ивах. / Пер. В. Резник. – СПб: Ассоциация Век, 1992. – 208 с.
5. Д1 – Даль Р. Фантастический мистер Фокс: параллельные тексты на английском и русском языках. – М.: Захаров, 2004. – 112 с.
6. Д2 – Даль Р. Изумительный мистер Лис / Пер. с англ. Е. Суриц. – М.: Самокат, 2013. – 88 с.
7. П1 – Поттер Б. Бельчонок Тресси и его друзья. / Пер. М. Гребнева. – М.: Росмэн, 2011. – 48 с.
8. П2 – Поттер Б. Всё о кролике Питере / Пер. В. Лунина, И. Токмаковой – М.: Издательство АСТ, 2020. – 256 с.
9. П3 – Поттер Б. История о бельчонке Орешкинсе. / Пер. В. Полищук. – СПб: Вектор, 2015. – 32 с.
10. П4 – Поттер Б. История о кролике Бенджамине. / Пер. В. Полищук. – СПб: Вектор, 2016. – 32 с.
11. П5 – Поттер Б. История об уточке Джемайме. / Пер. В. Полищук. – СПб: Вектор, 2016. – 32 с.
12. П6 – Поттер Б. Кролик Питер и его друзья. / Пер. М. Гребнева. – М.: Росмэн, 2010. – 48 с.
13. П7 – Поттер Б. Мышонок Джонни и его друзья. / Пер. М. Гребнева. – М.: Росмэн, 2010. – 48 с.

14. П8 – Поттер Э. Б. Всё о кролике Питере. / Пер. с англ. М. Н. Гребнева. – М.: РОСМЭН, 2018. – 320 с.

15. P1 – The Beatrix Potter Collection. Volume One – Ware: Wordsworth Classics, 2014. – 416 p.

16. P2 – Potter B. Peter Rabbit Giant Treasury. – New York: Derrydale Books, 1980. – 92 p.

17. P3 – Potter B. The Tale of Johnny Town-Mouse. – New York: Frederick Warne & Co, 1918. – 59 p.

Список использованных сокращений

ИС – иллокутивная сила

КН – коммуникативное намерение

КП – коммуникативное поведение

РА – речевой акт

ЛЕ – лексическая единица

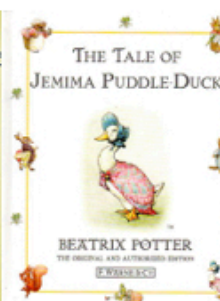
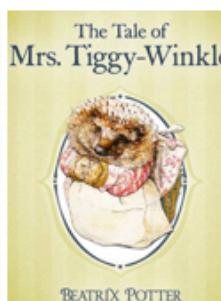
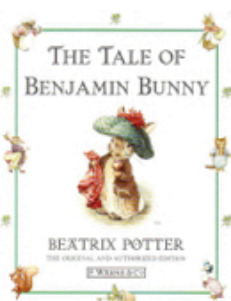
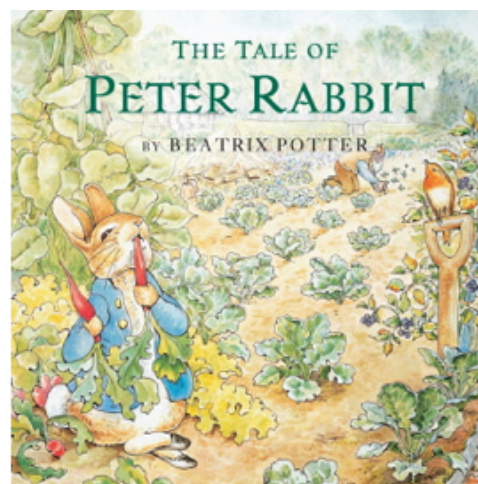
ЯП – язык перевода

ЯО – язык оригинала

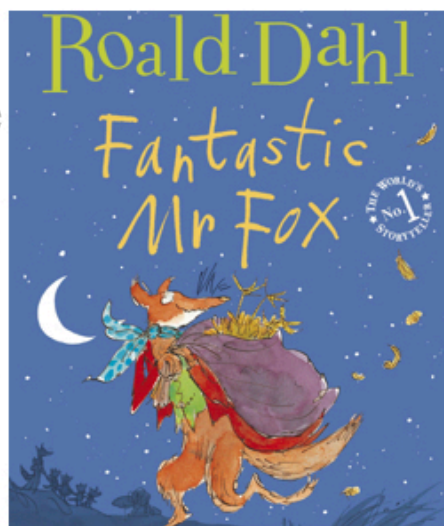
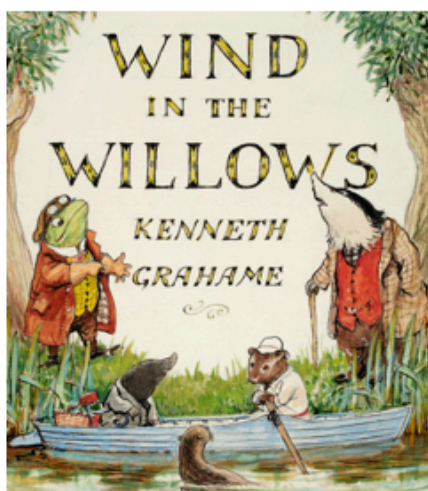
Приложение 1. Хронология первых публикаций анализируемых авторских сказок британских писателей.

B. Potter:

- 1902 The Tale of Peter Rabbit
- 1903 The Tale of Squirrel Nutkin
- 1904 The Tale of Benjamin Bunny
- 1904 Two Bad Mice
- 1905 The Tale of Tiggly-Winkle
- 1908 The Tale of Jemima Puddle-Duck
- 1918 The Tale of Johnny Town-Mouse

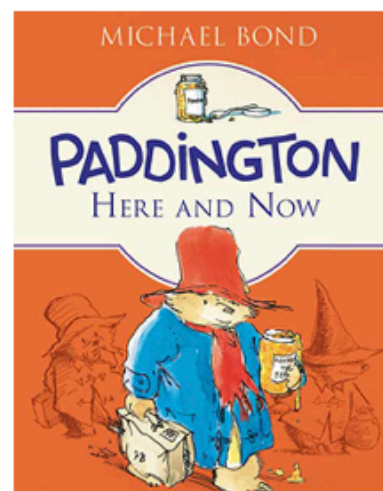


K. Graham,
The Wind in the Willows (1908)

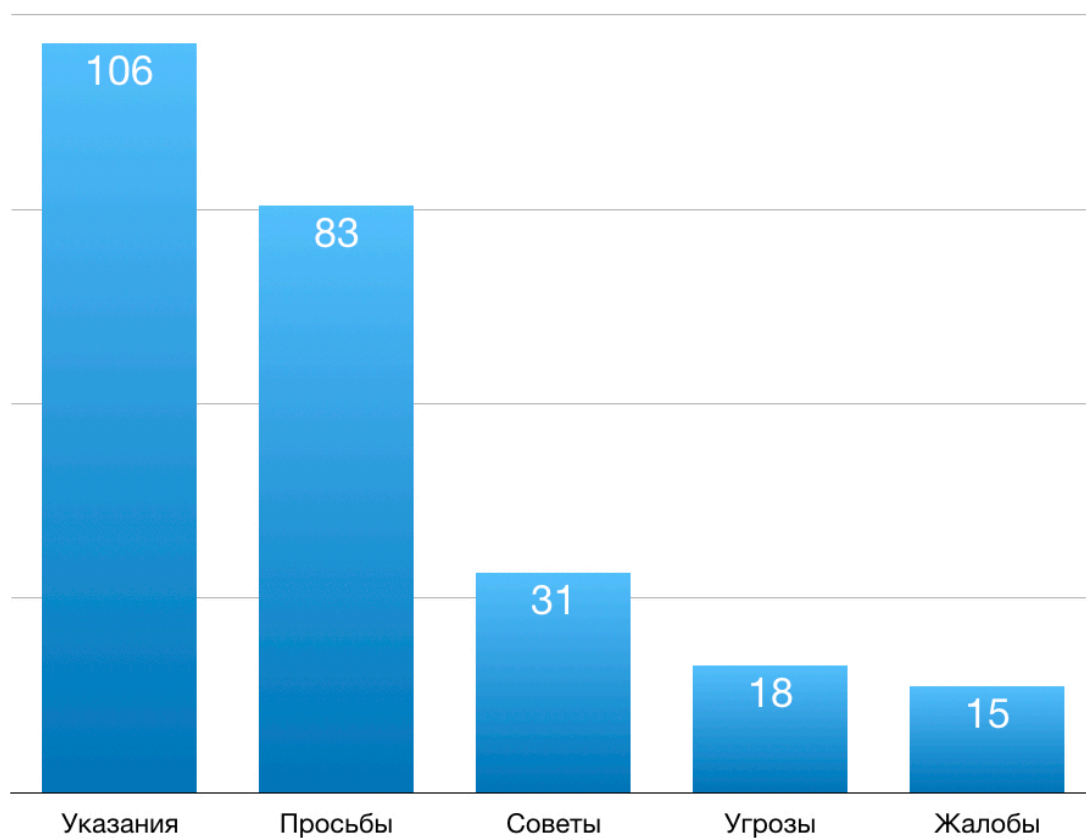


R. Dahl, Fantastic Mr Fox (1962-65; первая публикация— 1970)

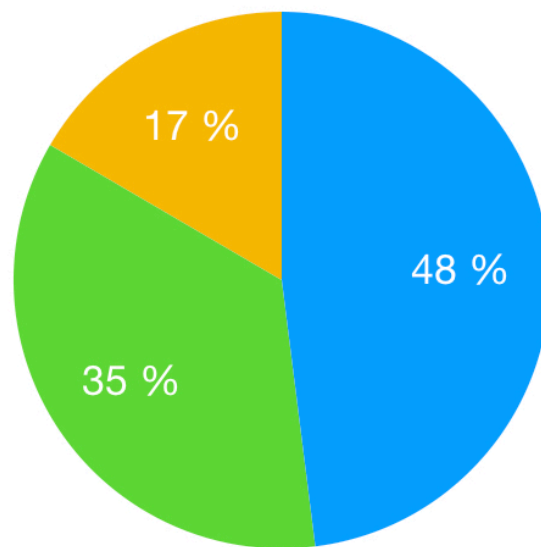
M. Bond,
Paddington: Here and Now (2008)



Приложение 2. Типы РА в литературных сказках британских писателей



Приложение 3. Изменение ИС при переводе высказываний



- Сохранение ИС
- Увеличение ИС
- Уменьшение ИС

**Приложение 4. Переводческие стратегии при передаче ИС
высказывания в зависимости от возраста потенциального читателя**

1. Перевод сказок для детей 4-5 лет:



2. Перевод сказок для детей 6-7 лет:



3. Перевод сказок для детей 8-9 лет:

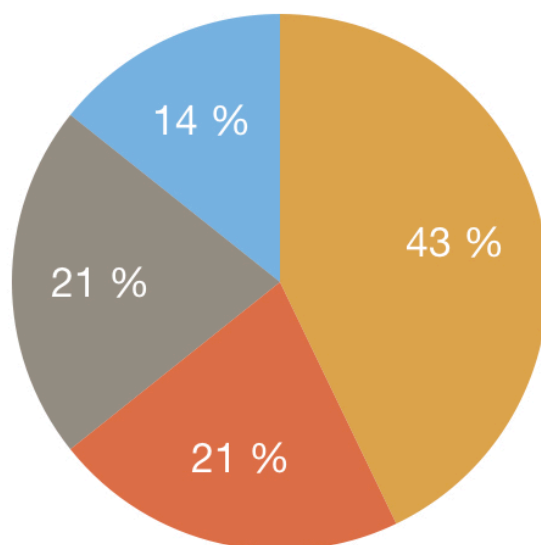


4. Перевод сказок для детей 10-11 лет:

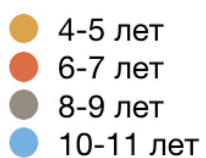
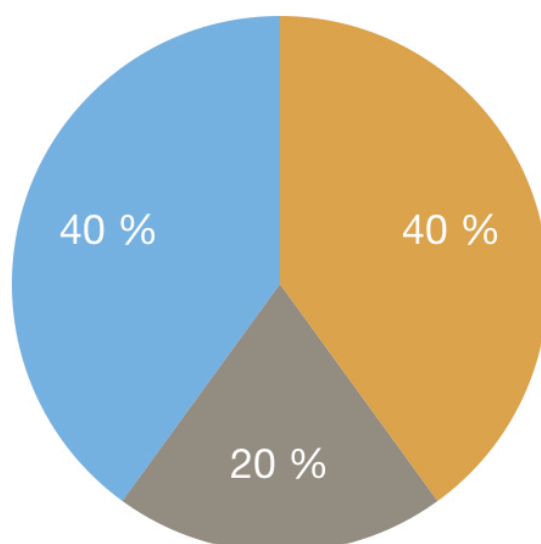


Приложение 5. Изменение ИС высказывания в зависимости от возраста потенциального читателя

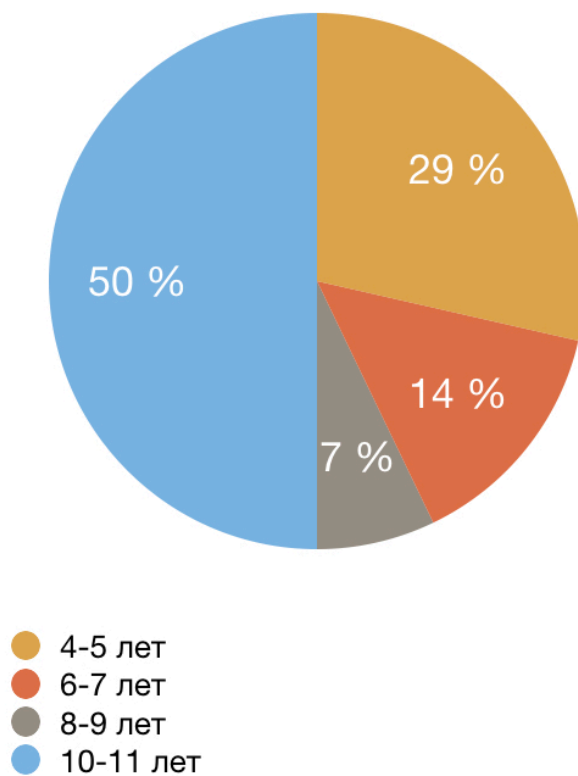
1. Увеличение ИС:



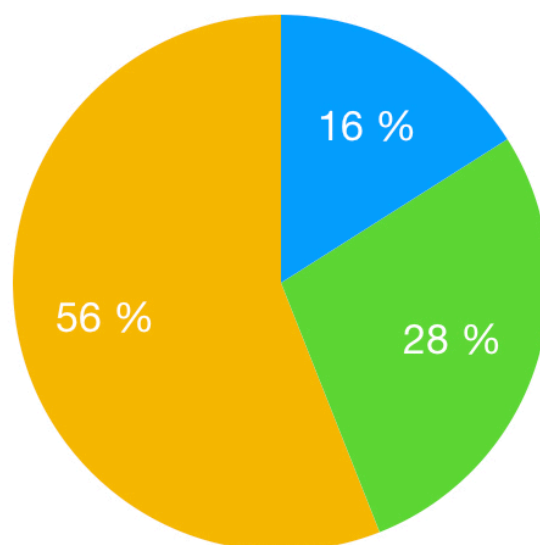
2. Уменьшение ИС:



3. Сохранение ИС исходного высказывания:



Приложение 6. Использование переводческих трансформаций при переводе высказываний



- Лексико-грамматические трансформации
- Лексические трансформации
- Грамматические трансформации

Приложение 7. Использование частиц при переводе высказываний на русский язык

